

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ ГАННИБАЛ

ЯКОВ НЕРСЕСОВ

ВРАГ
У ВОРОТ!

Гении власти

Яков Нерсесов

Великий Ганнибал. «Враг у ворот!»

«Яуза»

2014

Нерсесов Я. Н.

Великий Ганнибал. «Враг у ворот!» / Я. Н. Нерсесов — «Яуза», 2014 — (Гении власти)

«Hannibal ad portas!» («Ганнибал у ворот!») – это латинское выражение стало крылатым. Ни один враг за всю историю Древнего Рима не навел такого ужаса. Никогда прежде римские легионы не терпели столь жестоких поражений. Ни одна война еще не требовала от Вечного города такого напряжения сил и таких чудовищных потерь – за 17 лет этой бойни Рим лишился половины мужского населения: Ганнибала просто «задавили массой» и «завалили трупами»... Но знаете ли вы, что военный гений оказался еще и гением власти? Что вскоре после окончания войны Ганнибал был избран суфжетом (высшим должностным лицом) Карфагена и при поддержке Народного собрания обуздал олигархов, пресек хищения и коррупцию? Что лишь предательство богачей, вступивших в заговор с римлянами, положило конец его политической карьере? Но старый герой до самой смерти не изменил своей клятве, а его трагическая гибель лишь подтвердила пророчество Дельфийского оракула: «Худшие победят лучшего»... Эта книга воздает должное величайшему гению Древнего мира, чье имя переводится как «дар бога», а почетное прозвище Барка означает «молния».

© Нерсесов Я. Н., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть I. Кто – кого?!	7
Глава 1. Carthago	7
Глава 2. Карфагенская армия: за и против	9
Глава 3. «Живые танки» Карфагена: фантастика и факты	12
Глава 4. Римские легионы на полпути к совершенству	24
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Яков Нерсесов

Великий Ганнибал. «Враг у ворот!»

Моей дорогой маме Иде Тарасовне Нерсесовой посвящаю...
Свет показывает тень, а правда – загадку
(Древнеперсидская поговорка)

Человек растет с детства
(Древнеперсидская поговорка)

Мы живем один раз, но если жить правильно, то одного раза достаточно...
(Древнеперсидская поговорка)

Все дело в мгновении: оно определяет жизнь
(Кафка)

Мой долг передать все, что мне известно, но, конечно, верить всему не обязательно...
(Геродот)

От автора

Гениальный карфагенянин Ганнибал, по признанию самого Рима, его Враг № 1! Мало кто знает, что после краха своей многолетней войны против Рима в Италии, на гражданской службе своей родине прославленный полководец не преуспел. Вернее, ему не дали претворить в жизнь то, что он хотел. Его мирная деятельность оказалась не по душе богачам Карфагена, не подчинявшимся законам, присвоившим себе пожизненную власть, распоряжавшимся жизнью, имуществом и свободой граждан Карфагена как им заблагорассудится. При поддержке народа Ганнибал начал полное обновление зарвавшихся богатеев. Он навел строгую финансовую дисциплину. Не прибегая к повышению налогов на граждан, а используя все взимаемые на суше и на море пошлины на благо государства, Ганнибал смог не только исправно выплачивать Риму контрибуцию, но и пополнить казну города. Политическая доктрина Ганнибала – «ни одно великое государство не может долго пребывать в состоянии мира, как внешнего, так и внутреннего» – напугала Рим, и участь злейшего врага римлян была предрешена: он стал изгоем и за ним началась охота по всему Средиземноморью.

Перед вами предполагаемый портрет легендарного полководца и несостоявшегося Гения Власти, чья биография полна до сих пор как «белых пятен», так и «черных дыр». И вряд ли их когда-либо станет меньше, а значит – все спорные моменты по-прежнему будут позволять различную трактовку...

Пролог

...Перепуганный насмерть мальчишка-слуга кинулся к своему одноглазому и престарелому, но еще бодрому хозяину. «У всех выходов из дома притаились вооруженные люди! Они – везде, и их много!» – только и успел он промолвить пересохшими от страха губами, как поджарый старик уже бросился в подвал к семи секретным ходам, ведущим в разные стороны...

Но все они тоже оказались перекрыты!!

Прожив долгую жизнь, полную разнообразных опасностей, матерый вояка, он быстро сообразил, что на этот раз ему не выкрутиться. Заклятые враги выследили его и лишь ждут команды на захват. Злейший враг могущественного Рима, столько раз устраивавший ему хитроумные ловушки, на этот раз сам оказался в западне.

Но старый, уже белый как лунь, весь покрытый шрамами и рубцами боец, полтора десятка лет громивший грозные римские легионы по всей Италии, не собирался сдаваться. Он кликнул маленького слугу и приказал принести кубок вина.

– Видно, пришла пора помочь римлянам в их сорокалетней борьбе с ненавистным им стариком! – цинично процедил он сквозь беззубый рот и принял яд, который всегда держал при себе все последние годы жизни, когда преследуемый Римом скитался по ойкумене.

– Да, мельчают римляне! А ведь сто лет назад они вели себя достойней, предупредив своего смертельного врага Пирра о том, что его готов отравить собственный врач... – только и успел иронично промолвить один из самых выдающихся полководцев в истории человечества, как седая голова его поникла, а тело, обмякнув, рухнуло на пол.

Так, или примерно так, ушел из жизни один из самых легендарных полководцев древности.

Это он более полвека назад, будучи маленьким мальчишкой, дал своему отцу страшную клятву – победить Рим или умереть! Победить Рим ему не удалось и пришлось умереть. Но данной в детстве клятве он был верен до последнего вздоха. Вот и теперь он не дался в руки врагов и сам гордо ушел в свой последний солдатский переход – в Бессмертие...

Часть I. Кто – кого?!

Глава 1. Carthago

Эта захватывающая история началась, когда римляне собрались послать свои легионы за пределы Италии. Они отважились помериться силами с финикийским городом Карфагеном (по-финикийски – «Новый город») или как тогда говорили **Carthago** – самым сильным государством в западной части Средиземноморья (современный Тунис).

Могучий Карфаген, основанный финикийскими мореплавателями (семитами) из Тира в последней четверти IX в. до н. э. (или, как порой пишут некоторые историки между 825 и 814 гг. до н. э.), возвышался на скалистом полуострове северного побережья Африки, отделенном от материка перешейком в 4 км. Именно со стороны перешейка он был защищен лучше всего тройной системой укреплений – глубоким рвом с высоченным частоколом и двумя мощными каменными стенами с башнями через каждые 400 метров. С востока его омывало Средиземное море, с севера и северо-запада – залив, а на юго-западе находилось озеро, ограниченное с моря узкой косой. Карфаген был исполинским по тем временам городом (длина его стен составляла более 32 км; Александрия и Рим ему сильно уступали) – недаром ведь позднее историки окрестили его Лондоном Древнего мира – в период расцвета в середине II в. до н. э. в нем могло проживать порядка 700 тысяч жителей. Его планировка отличалась узкими, но мощными улицами, пересекающимися под прямым углом. В городе выделялось три крупных района. Главным из которых была располагавшаяся на холме цитадель Бирса – по сути дела крепость внутри крепости. Карфагенская знать жила в Мегарах, где среди каналов и садов располагались ее благоустроенные «хоромы». В Нижнем городе теснились шестиэтажные постройки простых горожан. Шедевральным творением пунийских архитекторов, несомненно, являлся карфагенский порт Котон, имевший две гавани: для торгового флота и военного.

Карфаген не только владычествовал над многими африканскими городами и землями, но и имел колонии на Сардинии, Западной Сицилии и в богатой на благородные металлы Иберии (Испания) – этом *Эльдорадо* Древнего мира. Если в Риме в ту пору еще господствовали суровость нравов и бережливость, то в Карфагене царили роскошь и ростовщичество. Благодаря исключительно выгодному географическому положению богатства Карфагена были поистине сказочными, и его знать буквально купалась в золоте. Главным источником этого богатства была торговля по всему Средиземноморью, в основном морская. Карфаген богател на торговле металлами, причем как драгоценными, так и оловом, свинцом и железом. Серебро из рудников Иберии играло для процветания Карфагена примерно такую же роль, как спустя почти 17 веков золото и серебро Перу и Мексики для Испании, ежегодно доставляемые через Атлантику испанскому королю специальными «золотыми и серебряными флотилиями». Особо важное место в экспорте карфагенян занимали предметы роскоши, орехи, гранаты. Еще они занимались пиратством и работорговлей, за что и имели в древности недобрую славу. Известно, например, что они захватывали славившихся красотой сицилийских женщин и выменивали их у пиратов на мужчин, нужных им для работы на плантациях. Распространенным приемом было заманить на свои корабли хороших молодых людей, падких на «модные тряпки», и пока глупышки доверчиво рассматривали «новинки от кутюр», корабль снимался с якоря и «ходовой товар» вскоре продавался в ближайшем торговом городе. За одну молодуху с аппетитными формами пираты давали 3–4 здоровых и сильных мужчин.

Другим источником дохода была огромная дань, которой карфагеняне обложили подвластные им народы в Африке, Испании, Сицилии и Сардинии.

Карфаген был республикой, но республикой купеческой, чем-то похожей на средневековую Венецию. Всем правил сенат из 300 богатейших людей. Над сенатом стояли Большой Совет из 104 сенаторов (*порой в исторической литературе его ограничивают до 100 сенаторов*), Совет Старшин (*своего рода президиум*) из 10 (*позднее 30*) наиболее знатных человек и Совет Пяти. Совет Старшин вел всю текущую работу, но окончательное решение было за Большим Советом. Зато отчет обо всем случившемся либо содеянном принимал Совет Пяти. Ежегодно избираемая пара новых верховных судей – суфжетов (*по другим данным, он был один*) реальной военной властью не обладала. Она принадлежала Совету Пяти. Все эти разнообразные Советы были постоянно раздираемы взаимными распрями – знатные семьи ненавидели друг друга, и ненависть эта передавалась по наследству. Собрания Советов проходили настолько бурно, что нередко неугодного политика могли просто разорвать на части – в лучшем случае отправить на... крест, т. е. распять! Народное собрание реально влиять на политику могло крайне редко, так как созывалось только в кризисные моменты жизни страны, когда все остальные властные структуры не могли прийти к единому мнению.

...**Между прочим**, основная борьба в Советах проходила между представителями двух самых влиятельных группировок (партий) в государстве: аристократов Баркидов, представлявших интересы крупных **торговцев и судовладельцев (или бизнесменов)**, и демократов Ганнонов, выражавших волю могущественных **землевладельцев (или аграриев)**. *Первые*, ведя торговлю почти со всеми странами Средиземноморья, стремились к развязыванию войн с целью добиться расширения заморских владений и уничтожению конкурентов в прибрежных акваториях, *вторые* – к миру и укреплению позиций Карфагена в самой Африке (*отсюда их прозвище «африканцы»*). Одни стремились к мировому господству, другие ограничивались наведением жесткого порядка в Северной Африке. Постоянные разногласия между ними не позволяли ни сохранить мир, ни успешно вести войны...

Карфагеняне, народ купеческий, не любили сами братья за оружие – денег в казне вполне хватало на содержание сильной наемной армии и мощного военного флота.

Глава 2. Карфагенская армия: за и против

Обычно карфагенская армия насчитывала до 24 тыс. пехоты и 4 тыс. кавалерии. Она состояла из конной «священной дружины» – двух с половиной тысяч молодых карфагенских аристократов, чьи кони и они сами были отменно экипированы вплоть до доспехов (в том числе и у лошадей – например, кожаные нагрудники), и наемных солдат – иберийцев, галлов, кельтов, италиков, греков, африканцев (негров), финикийцев и прочей разношерстной публики.

Тяжеловооруженная пехота в льняных, чешуйчатых либо кожаных, усиленных металлом, доспехах и таких же шлемах с небольшими круглыми щитами, мечами и очень длинными (до 1,8 м) копьями занимала центр боевого построения – фалангу, конница (нумидийская и иберийская) – фланги. Легковооруженные пехотинцы (без доспехов, но с короткими копьями и маленькими щитами круглой формы) попеременно с балеарскими пращниками располагались перед боевым порядком, прикрывая его от неприятеля. Уже в конце Второй Пунической войны к ним добавились мавританские лучники с их сложносоставными луками, столь типичными для воинов Ближнего Востока.

...**Кстати**, своим смертоносным оружием – праща считалась одним из самых опасных видов вооружения той поры – балеарские пращники владели как никто во всем Средиземноморье. Каждый пращник носил сразу три пращи с различной длины ремнем и использовал какую-либо из них в зависимости от того, как далеко надо было послать снаряд и с какой траекторией полета. Если на дальнее расстояние метали снаряд размером с теннисный мяч, то на короткую дистанцию «пуля» была не только меньше, но и летела согласно траектории ружейной пули. Две пращи крепились к поясу, одна – к повязке на голове. Заспинные сумки были набиты разными снарядами: как небольшими камнями либо свинцовыми ядрами, способными пробить бронзовый щит, так и глиняными с горючей начинкой. Обычно стандартный снаряд весил чуть более 100 грамм...

Служившие Карфагену кельтиберы (иберийцы), набиравшиеся из дружественных и союзных ему племен средиземноморского побережья Иберийского п-ва (народности, обитавшие внутри страны, оставались враждебны карфагенцам), презирали смерть и физическую боль. Раны они считали лучшими украшениями воина. Безумно храбрые, они были очень хороши в атаке с их короткими (45-сантиметровыми) обоюдоострыми мечами – гладиусами (*именно их потом переймут у них римляне, превратив в универсальное колюще-рубящее оружие!*) и фалькатами – короткими кривыми «саблями» – наподобие знаменитых македонских тесаков-«махайр». Клинок фалькаты, предназначенной для рубящих ударов, расширялся по направлению к концу, из-за чего центр тяжести смещался на удалении от руки. Таким образом, кинетическая энергия удара увеличивалась, а благодаря изогнутому лезвию рубящая способность фалькаты была значительно больше, чем у прямого меча. К тому же, поскольку эфес фалькаты ковался из цельного куска вместе с клинком, то ее рубящего удара не выдерживал ни один доспех той поры. Будучи прекрасными одиночными бойцами, они прежде всего хотели показать личное мужество в атаке и не отличались стойкостью в обороне. Зная эти недостатки, карфагенские полководцы использовали их только для первого удара, при этом нередко увеличивая их таранную мощь за счет построения клином. Во времена Ганнибала из кельтиберов, учитывая эти их природные особенности (скорость и ловкость), стали формировать тяжелую кавалерию, вооруженную фалькатами и длинными пиками – фалариками. Последние нередко обматывали паклей с горючей смесью и использовали как зажигательный снаряд, подобно граду, обрушиваемый на вражеские ряды. Иберийская пехота и конница одевались в кожаные

доспехи с нашитыми на них металлическими пластинами, кожаные либо бронзовые шлемы. Но если пехотинцы прикрывались в бою большими овальными щитами с металлическим умбоном, то вторые очень ловко орудовали маленькими, круглыми щитами, которые держали не на предплечье, а зажав рукоятку в ладони. Выносливые и быстрые лошади иберов позволяли им стремительно разворачиваться и перестраиваться. Обученная сражаться в правильных боевых порядках, строиться фалангой, клином либо ромбом, тяжелая испанская конница могла наносить таранные удары, проникая с помощью длинного тяжелого копья внутрь вражеских построений и сея смерть своими фалькатами внутри строя. Особенно хороши были испанцы в выдвигании и охвате флангов, захвате ключевых позиций (холмы, перекрестки и мосты), устройстве засад и взаимодействии двух родов войск той поры – пехоты и конницы.

Воевавшие на стороне Ганнибала галлы (*порой их численность достигала 40 % состава всей армии*) не отличались универсальностью. Их главным оружием был достаточно длинный (от 65 см до 1 м) обоюдоострый с закругленным концом меч, которым они предпочитали рубить с плеча, причем нередко двумя руками. Такая техника удара полностью противоречила римской, где главным был короткий, колюще-жалящий удар. И хотя галлы умели биться в строю, но именно такое использование меча больше подходило для одиночного боя, где все строилось на индивидуальной ловкости и сообразительности, а не на отлаженном взаимодействии большой группы бойцов, слаженно сражавшихся в сомкнутом строю (шеренге). Поскольку меч у галлов обычно дополнялся топором, а не копьем, то основной задачей противника было нейтрализовать рубящую силу наступающей массы галльских воинов. Защитой им служили шлемы-каска и высокие, овальные дубовые щиты, обтянутые кожей либо войлоком. Доспехи и кольчуги имелись только у вождей, остальным это было «не по карману», и обычно галлы шли в бой обнаженными по пояс, нередко «прикрывшись» для устрашения врага лишь боевой раскраской. Галльская конница, вооруженная и экипированная наподобие своей пехоты, сражаться в строю не умела, предпочитая традиции одиночного героического поединка. Именно поэтому они были хороши в набегах, заманивании в засаду. Вкупе со своим высоким ростом, крепким телосложением, длинными распущенными волосами, грозным боевым кличем-воем и жутким обычаем непременно отрубать головы убитым или раненым противникам, они наводили ужас на врага. Но в то же время, «нарубив» несколько голов, они могли запросто покинуть поле боя и заняться грабежом, не дождавшись общей победы своего вождя (или нанявшего их полководца). Галлами было нелегко управлять во время боя, и поэтому карфагенские военачальники предпочитали использовать их для первого удара, преимущественно по центру вражеского строя, не очень жалея о неминуемых потерях. По сути дела, малонадежные галлы, как правило, выступали в качестве «пушечного мяса».

...**Кстати сказать**, и иберы (испанцы), и галлы не являлись высокопрофессиональными наемниками и, воюя каждый по-своему, порой не были лучше и опытнее римских ополченцев-легионеров той поры...

Поскольку по дисциплинированности и выучке, экипировке и вооружению карфагенская пехота уступала римской, то наибольший эффект Карфагену приносила его конница, как иберийская, так и легкая, нумидийская. Выросшие в седле, полуголые кочевники-нумидийцы из Северной Африки были прирожденными всадниками и не пользовались ни уздечкой, ни седлом, сидя на накидках из леопардовых шкур. Для управления своими очень низкорослыми и поджарыми, но зато выносливыми, быстрыми и послушными лошадами (*так называемыми ливийскими пони*) они применяли ноги и веревку, накинутую им на шею, а также голос и удары древка легкой пики. Поскольку верховая езда была доведена ими до циркового искусства, то в отличие от других всадников, державших одной рукой поводья, они могли сражаться обеими руками, одновременно орудуя длинным кинжалом и боевым тесаком либо ловко и быстро бросая дротики с обеих рук. Непревзойденные вольтижеры, они использовали в бою сразу две

лошади, в случае надобности перескакивая с одной на другую прямо на скаку. Их сила заключалась в стремительности: они могли легко нагнать более неповоротливых всадников или при желании столь же быстро от них оторваться. Всевозможные ложные отступления, отвлекающие маневры и внезапные нападения – вот их стихия, где они чувствовали себя как рыба в воде. Перестрелка и засада – здесь они тоже были хороши. Зато защитных доспехов в отличие от тяжелой иберийской кавалерии, чьи лошади носили кожаные нагрудники, они не имели и прикрывались лишь небольшим круглым легким щитом.

...**Между прочим**, в войнах с Римом карфагенская (*особенно нумидийская*) кавалерия не раз докажет свое превосходство над вражеской конницей, и во многом благодаря ей лучший карфагенский полководец Ганнибал сможет воевать с Римом в Италии целых 16 лет! И только когда она обессилит от многолетних лишений, Ганнибалу придется покинуть Италию. И лишь после того как выдающийся римский полководец Публий Корнелий Сципион-Младший (*или как его величали благодарные соплеменники – Африканский*) сможет заключить военный союз с нумидийским принцем Массанассой (*Массиниссой*), именно с помощью его превосходной конницы он сможет окончательно одолеть Ганнибала...

Вопреки сложившемуся мнению в карфагенской армии был свой осадно-метательный парк (большие и малые катапульты с баллистами), столь присущий армиям времен Александра Македонского и его преемников-диadoхов, которые почти 40 лет воевали друг с другом за обладание различными частями гигантской империи покойного воителя и весьма существенно усовершенствовали машины для осады крепостей.

Характерно, что наличие в карфагенской армии разных народностей со своим специфическим вооружением, воинскими традициями (своей тактикой ведения боя) и своими вожаками-командирами обуславливало необходимость максимально эффективного использования их сильных сторон и предельной нейтрализации их слабых сторон. Талантливым карфагенским полководцам, например, Ганнибалу и его отцу Гасдрубалу обычно это удавалось. Но у других, не столь одаренных военачальников, это порой не получалось, и тогда случались не только фиаско, но и катастрофы. При этом примечательно, что если карфагенская армия терпела поражение, то нередко ее предводитель кончал свою жизнь на кресте, причем приговор приводили в исполнение его наемники.

Глава 3. «Живые танки» Карфагена: фантастика и факты

Совершенно особую роль в армии пунов играли... «живые танки». Именно для них в городских стенах Карфагена были оборудованы специальные «ангары» – стояла на 300 боевых слонов. Не посвятить античной «элефантерии» – столь грозному, столь и экзотическому роду войск – отдельную главу нельзя никак.

Дело в том, что эти «живые танки» стали обязательным родом войск в античную пору еще с конца IV века до н. э., т. е. с эпохи войн диадохов (полководцев) легендарного Александра Македонского.

Сам великий македонец, не оставлявший без внимания ничего, что сулило ему, *Богу Войны*, улучшение боевой техники, включил попавших к нему в руки или подаренных сатрапами индийских слонов в свою армию. Известно, что у него было около 200 слонов, однако смерть не позволила ему использовать их в деле.

Долгое время вокруг применения в древних войнах слонов было очень много надуманного и небывши, превращавших эту весьма любопытную тему в предмет неадекватных спекуляций со стороны разнообразных «акробатов от истории», в том числе военной.

Эта тема продолжает успешно разрабатываться специалистами разного профиля, в частности, отечественными (А.В. Банников, К.Ф. Нефедкин и др.), по крупницам собирающими утерянную «мозаику» завлекательной истории «элефантерии». И все же **некоторые выводы уже сделаны, и степень их взвешенности не вызывает особого сомнения.**

Начнем с того, что первыми на войне стали применять слонов в Индии: то ли во второй пол. II тыс. до н. э., то ли все же лишь на рубеже II–I тыс. до н. э.?! Единой точки зрения по этому вопросу до сих пор нет, но не это суть интересующего нас вопроса. Важно другое: *как, где, когда и какие виды слонов и, что самое важное, с какой эффективностью, могли использоваться человеком на войне.*

При этом надо учитывать две позиции по этому крайне экзотическому вопросу: **скептический и апологетический.**

Сторонники негативного взгляда на эффективность боевых слонов склонны считать, что боевые слоны (элефантерия) на полях сражений античной эпохи, хотя и были новым шагом в развитии военного дела, но применение их было достаточно узким. Многие полагали, что боевые слоны производили скорее психологический эффект своей гигантской массой, грозным видом, устрашающим ревом и впечатляющей военной атрибутикой, навешанной на них, чем приносили реальную пользу. Утверждалось, что они вышли из моды не только по причине совершенствования профессионального мастерства солдат, умело с ними боровшихся, но и из-за того, что их содержание, как в мирное время, так и тем более на войне, и «обслуживание» в походе (пищевой рацион, его объем и т. п. и т. д.) стоили очень больших денег. А это, в конце концов, как правило, становилось обременительным даже для очень богатых государств. В результате сложилось мнение, что выгода, получаемая от применения этого рода войск зачастую не компенсировала той степени риска, которая сопутствовала присутствию боевых слонов на поле боя из-за их порой весьма неадекватного поведения в условиях непредсказуемого развития хода сражения. Тем более, что известные нам сражения с применением «слоновьего корпуса» часто заканчивались весьма неоднозначно для применявшей их стороны. А ведь она поначалу явно рассчитывала на эту «живую бронетехнику» как на весомый фактор для победы над противником, либо не имевшим боевых слонов, либо не в таком большом количестве.

Польза от применения самой тяжелой боевой «техники» той поры, как говорят скептики, не всегда и не везде могла быть одинаковой.

То, что было хорошо в Индии, аргументируют они, а именно оттуда боевое применение слонов пришло в Малую Азию и Европу, не было столь же успешно против высокоорганизо-

ванных европейских воинов. Знакомые с ними, не боявшиеся их, они умели и избегать их, и нападать на них. Успех в бою был у слонов против народов, которые их никогда не видели, а также против всадников, чьи лошади их боялись.

Против пехоты слоны могли быть эффективны, лишь когда первая сплывалась в фалангу. Именно такое массовое скопление пеших воинов давало слонам возможность «топтать и давить» без разбору. И порой это приводило к катастрофическим последствиям, если фалангиты не стояли насмерть, выставив перед собой лес своих многометровых смертоносных сарисс подобно непроходимому частоколу.

А вот рассеянный строй наделял пехоту значительным преимуществом перед слонами. Небольшие подвижные пехотные отряды из специально подготовленных дисциплинированных и находчивых пехотинцев обращали «танковые бригады» четвероногих гигантов в бегство, прицельно отстреливая «танкистов-водителей», засыпая «четвероногую бронетехнику» ливнем метательных снарядов (огненных стрел и т. п.), бросая ей под «гусеницы» простые доски... утыканные гвоздями, и прочие спецсредства.

Слоны, безусловно, были весьма опасным родом войск, подводят итог скептики, но у них имелись серьезные изъяны: низкий боевой дух, плохая управляемость и т. д. и т. п. Главным аргументом против полезности слонов на поле боя они считают то, что, в отличие от лошади, это животное так и не было одомашнено, а только приручено. Поголовье ручных слонов всегда пополнялось путем отлова диких. Следовательно, **боевые слоны отличались от рабочих только размерами, но не психологией «боевой машины», несущей смерть врагу, а не своим солдатам.**

Не исключено, что **боевая слава слонов, скорее всего, обусловлена их эффективностью, чем эффективностью.** Безусловно, они повышали зрелищность сражений, но не давали постоянного преимущества, к тому же удачные приемы вскоре копировались противником. Таким образом, **«живые танки» были в большей степени оружием психологического воздействия, а не физического устранения** – завершают свой исторический вердикт антагонисты «элефантерии».

Не принимать их позицию во внимание нельзя. А как все обстояло на самом деле, спросите вы?! Попробуем разобраться...

Считается, что в античности на войне обычно использовались два основных вида слонов: индийский и африканский (*подвиды не в счет*).

Причем начали с первого, а затем в силу ряда обстоятельств «пустили в мясорубку» и второго. Характерно, что какое-то время бытовало мнение о якобы большей эффективности индийского слона по сравнению с его собратом с Черного континента из-за большего веса, размеров, свирепости и некоторых особенностей «тактико-технических характеристик» сугубо боевой направленности. На самом деле средний африканский слон-самец не только тяжелее своего азиатского собрата (*4–7 тонн против 3–5 тонн*), но и выше (*3–4 м против 2–3,5 м*). Из-за развивающихся парусом огромных треугольных ушей «африканцы» из саванн казались еще массивнее. Есть и другие сугубо «военные аспекты» характерных различий африканцев и азиатов: у первых бивни имеются как у самцов, так и у самок, у вторых – только у самцов, а у самок их почти нет. Хотя длина бивней у тех и других примерно одинаковая (*порядка 3 м*), но у африканца они толще и загнутые, а у индийца – более прямые, тонкие и намного легче. Зато кожа у обоих одинаково толстая (*2,5 см*), и пробить ее очень трудно – даже пулей, а уж тем более наконечником копья, дротика или стрелы. Самки обоих видов заметно ниже и легче своих «мужчин». Особую роль в жизни слона играет его «рука» – хобот, которым он искусно манипулирует. Взрослый слон может поднять им вес до 100 кг или набрать в него до 17 л воды. Степень чувствительности пальцевидных отростков на кончике хобота (*у африканца – их два, а у индийца – всего лишь один*) очень высока. Они могут ими поднимать с земли даже очень

маленькие предметы, тем более, что слон – одно из самых умных животных в природе (*умнее и лошади, и собаки!*), способное усваивать до сотни различных команд.

Остальные особенности этих двух видов слонов (*степень и характер волосяного покрова, форма и размеры ушей, количество «пальцев» на ногах, и прочее*) не оказывают серьезного влияния на их боеспособность, т. е. на то, что может интересовать нас в первую очередь.

Долгое время считалось, что в отличие от своих азиатских собратьев африканские слоны очень плохо дрессируются. На самом деле, и те и другие одинаково поддаются дрессуре, правда, «африканец» все усваивает несколько медленнее.

Обычно слонов отлавливают летом в возрасте 15–18 лет, с тем чтобы, когда они еще молоды, но уже достаточно сильны, они могли быстро привыкнуть к человеку и обучиться. При этом предпочтение отдавалось храбрым слонам, так как они могли быть более пригодны в бою, чем их более «инфантильные» собратья. Оптимальным возрастом для использования слона, в том числе для военных целей, издревле считалось 40-летнее животное (*средняя продолжительность его жизни ок. 70 лет*), которое не только достигло наибольшего размера, но еще и в расцвете сил. Дрессировка пойманных животных проходила при участии уже прирученных слонов. У индусов существовали настоящие питомники – тренировочные лагеря, в которых не только выращивали животных, но и готовили к бою.

Для этого их «обкатывали» по специальной программе, выстроенной с учетом различных задач: от умения «протаптывать» строй вражеской пехоты до боя... друг с другом. В последнем случае они сталкивались лбами, пытаясь пересилить друг друга и так развернуть соперника, чтобы успеть смертельно боднуть его клыками. Основной задачей слонов на поле боя было наводить ужас своими размерами, топтать врага ногами, пронзать бивнями. Для большей эффективности их удлинляли металлическими наконечниками. Особо эффективен был смертоносный хобот, которым они действовали как огромной рукой.

...**Между прочим**, отрубить слону его нависающий сверху смертоносный хобот из упругой и твердой кожи (*своего рода кожаный панцирь!*) ударом снизу – задача почти непосильная, требовавшая исключительной физической силы, невероятной ловкости и отчаянной храбрости и оружия бритвенной остроты...

Хоботом слоны хватали замешкавшегося воина, душили или, с силой бросив оземь, тут же растаптывали либо передавали бедняк через голову своим погонщикам, которые попросту добивали их. Кроме того, слонами – как ширмой – могли прикрывать незаметные перемещения за фронтом построения конных отрядов для внезапного удара в решающий момент сражения. Более того, сидя на самом высоком слоне, полководец мог обозревать поле битвы, вносить нужные коррективы в ее ход и, держа ее под контролем с высоты двухэтажного дома, перемещаться.

Боевая подготовка слона была делом непростым и занимала несколько лет. Слонов окружал целый штат «прислуги»: ветеринары, дрессировщики, «конюхи», отвечавшие за корм, уборщики стойл, ответственные за помещения, где спят слоны и, конечно же, погонщики/вожатые (махуты или корнаки). *Характерно, что как обучать их, так и воевать на них должны были одни и те же люди. Иначе слон не воспринимал погонщика и отказывался повиноваться.* Махуты имели личное оружие для самозащиты, но главным их оружием естественно были слоны. Обычно они направляли их против конницы, поскольку лошади боялись слонов. Требовалась специальная тренировка лошадей для того, чтобы они могли выдержать атаку слонов.

Управляли слонами сидевшие у них на шее вожатые. Обычно для этого им хватало головных команд, нажима большими пальцами ног за ушами четвероногих гигантов или постукивания пятками. Правда, нюансы этих методов управления остались нам неизвестны. В то же время, если животное становилось строптивым, в ход шли деревянные палки – «стрекала», –

на верхнем конце которых были металлический крюк и острое, в целом нечто очень похожее на багор в миниатюре. Стрекалом погонщик колот животное в уши и шею. Когда слон приходил в ярость (*от ран или по какой-либо другой причине*) и начинал топтать свои собственные боевые порядки, погонщик мог быстро умертвить взбесившееся животное: металлическое долото загонялось ему ударом свинцового молотка в основание черепа. Кто придумал этот «гуманный» способ, до сих пор является предметом острых споров среди историков.

Примечательно, что среди африканского вида слонов принято выделять два подвида: *саванного* (степного) и *лесного*.

«Саванник» намного крупнее «лесника» (*4 метра в высоту против 3 м и 7 тонн веса против 4,5 тонны*) и заметно прожорливее (*75—150 кг пищи и 80—160 л воды в день против 60—120 кг пищи и 60—120 л воды*), причем самые крупные его особи могут потреблять вдвое больше пищи и воды. Зато у «лесника» более длинные и тонкие бивни. Индийские слоны по объему своего рациона ближе к «саванникам». И те и другие предпочитают траву, листву, кору, коренья и... фрукты!

...Между прочим, слон – одно из наиболее умных животных, и просто погнать его на стойкую вражескую пехоту (*конница обычно разбежалась сама*) было трудно. Слона надо было чем-то разъярить, чтобы он попытался расчистить себе дорогу среди людей – топча и раскидывая их направо и налево. Известно, что всем слонам присуще раз в год (*либо в полгода*) впадать в состояние «муста», или состояние возбуждения и агрессии. Обычно оно длится от одного дня до месяца (*порой даже нескольких*). Зная об этом, люди специально приводили животных в это состояние прямо перед боем. Способы возбуждения слона были разными: от привешивания ему на шею большого колокольчика, раздражавшего его своим звоном, до алкоголя разного вида (*что-то типа водки?!*) и опиума. Всем этим занимались корнаки (или махуты). Но и эти одурманивающие «спецсредства» не гарантировали 100 %-ного результата...

Слоны не только прекрасные пловцы (*могут проплыть без остановки до 48 км со скоростью 2,1 км/час*), но и отменные «ходоки». Они могут двигаться со скоростью 8 км/час или бежать со скоростью 15 км/час, а на дистанции до 100 м и вовсе развивают скорость до 40 км/час. При этом слоны удивительно устойчивы при передвижении независимо от того, куда они ступают, поскольку очень уверенно ставят ногу, безошибочно выбирая самый безопасный путь. Если они сомневаются в той поверхности, на которую им предстоит наступить, то сначала очень осторожно пробуют ее ногой и, только убедившись в ее безопасности, переносят туда весь свой вес. Двигаться по разнообразной поверхности им помогает специфическая подошва их ног – мягкая прокладка из эластичных и упругих волокон, расширяющаяся при нагрузке, своего рода амортизатор. Именно поэтому слоны легко взбираются на крутые склоны и проворно спускаются вниз. Именно поэтому они проходят там, где «пасуют» лошади, верблюды и мулы. При подъеме вверх они могут помогать себе хоботом, используя его как подтягивающую «лебедку», а вниз «съезжать» на крупе, тормозя ногами.

В то же время слоны очень чувствительны к температурным перепадам, плохо переносят жару и холод и не могут обходиться без большого количества воды. Более того, слонам надо не менее 24 часов, чтобы переварить съеденное. Это при том, что процесс поедания у них занимает 8—10 часов в сутки. И тем не менее они усваивают только 44 % пищи, тогда как те же лошади до 70 %. Эти древние «танки» требовали своевременной «заправки» высококачественным «топливом». На одном только сене они не «работали». В ежедневный рацион слона входили не только до 90 кг свежей травы и кореньев, но и строго обязательные рис, сахар, хлеб, фрукты и такие «тоники», как перец и алкоголь. Иначе «боевая машина» не «заводи-

лась» и не крушила все на своем пути. Все это, естественно, очень ограничивает сферу их применения, либо нужны были огромные запасы всего необходимого для того, чтобы слоны нормально себя чувствовали перед боем. Громадное количество пищи и особенно воды для слонов очень увеличивало обоз, что крайне замедляло мобильность армии, в составе которой была «элефантерия» или, современно выражаясь, живая «бронетехника». Тем более что для ее охраны требовались мобильные спецотряды из легковооруженных пехотинцев и кавалеристов. Чересчур огромные войска были не только медлительны, но весьма уязвимы, поскольку при растянутом строе они чаще, чем небольшие армии, подвергались нападениям врага, причем сразу в нескольких местах. Возрастала степень риска и непредвиденных случайностей при передвижении. Именно из-за нежелания чрезмерно «отягощать» свои обозы в составе армии, *в походе обычно двигался такой по численности «слоновый корпус», чья эффективность в бою могла быть равноценна затратам на его содержание в пути.*

Поэтому полководцы предпочитали зря ими не рисковать: *либо держали «бронетехнику» в резерве, вводя в дело в самый ответственный момент, либо сразу пускали в бой, стремясь с их помощью как можно быстрее разрушить боевой порядок врага, чтобы идущим следом пехоте или кавалерии было легче его атаковать.*

И все же было в античности время – *примерно 150 лет (с конца IV в. до н. э. и до середины II в. до н. э.)* – когда **наличие в армии слонов предполагало обладание неким психологическим преимуществом над противником, у которого их не было**. Один только вид гигантов в красивых пополах, стоящих в тесном ряду, грозно ревущих и размахивавших хоботами, мог устрашать врага, не знавшего как с ними бороться. Чем больше их было, тем впечатляюще было зрелище этой «заведенной» «живой бронетехники», готовой вот-вот все смять, раздавить и растоптать.

Индийская боевая традиция требовала, чтобы на поле боя одного слона защищал отряд из 15 пехотинцев. Причем особо внимательно надо было следить, чтобы неприятель не повредил его ног – поэтому их называли «стражами стоп» четвероногих «танков». Ноги у слонов всегда сильно перегружены, и любые повреждения быстро выводили их из строя: в отличие от других животных слон не может на трех ногах не только передвигаться, но даже долго стоять, если одна нога ранена. Именно по колонноподобным ногам «живого танка» стремились нанести удар вражеские воины-смельчаки. По сути дела, это было самое уязвимое (*наряду с брюхом*) место у слонов, т. е. как спустя века гусеницы у современных танков – достаточно было их перебить, и «боевая машина» обездвиживалась.

С именем диадоха Александра Македонского знаменитого Селевка Никатора (Победителя) принято связывать «революцию» в применении «живой бронетехники». Он, впервые бесстрашно схлестнувшийся с индийскими боевыми слонами в 326 г. до н. э. в смертельной схватке при Гидаспе – последней большой битве Александра Македонского, – лучше других диадохов знал их всепокрушающую мощь. Считается, что именно с его легкой руки эти «танки античных времен» стали играть большую роль в войнах диадохов. Причем якобы совсем по-новому: *если раньше слоны строились в одну линию с промежутками, распределяясь по всему фронту войска, то теперь диадохи ставили слонов плотно, компактной группой на флангах в виде огромных «танковых клиньев».* **Такое расположение «живых танков» якобы делало их менее опасными для своей же пехоты, если вдруг «бронетехника» обращалась в бегство.**

На самом деле у нас нет никаких веских данных о том, что слоны на поле боя когда-либо строились иначе, чем в одну линию. Более того, все основные тактические приемы использования слонов на поле боя разработали еще индийцы, как известно, первыми начавшие использовать боевых слонов. Как правило, они выстраивали их в одну линию впереди пехотного строя на расстоянии от 2,5 до 3,75 м друг от друга, причем это было минималь-

ное расстояние, при котором они не мешали друг другу. Порой оно могло возрастать вплоть до 30 м (вернее – 30,83 м).

При этом у индусов было несколько моделей использования слоновьего строя: **«разбивающий центр»**, **«разбивающий фланги»**, **«неподвижный»** и **«надежный»**. *Не существовало только «рассыпного строя», поскольку он был неэффективен: слоны – не лошади!*

В первом случае слоны стояли с фронта на равных промежутках друг от друга, а между ними пехота, прикрывавшая их от стрельбы по ним с боков. Это построение напоминало крепостную стену, где слоны играли роль башен, а воины между ними служили простенками. Получался укрепленный город.

Во втором случае – слонов выстраивали на флангах, причем никого кроме них там не было.

В третьем варианте слоны располагались в тылу, играя роль как бы устрашающего резерва, который вводился в дело в случае острой необходимости, когда пехота, конница и колесницы оказывались бесполезны.

Последний вид строя подразумевал, что слоны играли роль заградительного барьера на пути атакующих вражеских... слонов.

Конечно, слоны не были столь же мобильны, как кавалерия, но не хуже ее могли защищать пехотные фланги.

Долгое время считалось, что индийские слоны были предпочтительнее африканских в слоновьей схватке один на один, так они якобы были крупнее и свирепее. На самом деле это заблуждение, поскольку в слоновьем противоборстве немаловажную роль играла индивидуальная выучка слона, которая была у «индийцев» значительно выше из-за многовековых традиций дрессировки этих животных в Индии. К тому же в Индии слона готовили к бою значительно дольше и тщательнее. Тогда как «африканцев» из-за спешки (*некогда было ждать, пока слоны войдут в зрелый 40-летний возраст*) бросали в бой более молодыми (*а значит, не такими крупными и заматеревшими, порой всего лишь 2-метровыми*) и менее обученными. Тем более что «африканцы», как уже отмечалось, труднее поддавались дрессуре, и на нее уходило намного больше времени. Кроме того, индийские махуты (корнаки) были на голову выше туземных «водителей» африканских слонов в управлении своими гигантами в непредвиденно изменяющихся условиях боя.

Махуты-индийцы ценились настолько высоко, что их охотно брали на службу в различные армии и со временем само слово «инд» или «индиец» превратилось в название профессии *погонщика слонов* независимо от его этнического происхождения. В то же время у «африканцев» было и свое преимущество перед «азиатами» в схватке один на один, где они не только старались пересилить друг друга, но и «боднуть» своими бивнями, которые у слонов из Африки были длиннее. Если уместно такое сравнение, то у «африканцев» были более «дальнобойные пушки» за счет более длинных бивней. Тем более что бивни животного были его главным природным оружием наряду с хоботом. С его помощью слоны хватили неприятельских лошадей и воинов, бросая их в воздух. Последних они могли передавать назад своим погонщикам, которые их умертвляли. Более того, якобы слоны умели метать хоботами копья и даже перехватывать летящие неприятельские?! Но заставить даже очень хорошо подготовленного слона, обладавшего очень высоким интеллектом, убивать людей мог только очень искусный махут (корнак).

Вокруг экипировки и вооружения слонов ходит очень много разных сведений, порой весьма экзотических.

Поначалу защитного «обмундирования» четвероногим гигантам не полагалось, но зато их тела могли богато украшать металлическими побрякушками и пурпурными (ярко-красными) попонами, поскольку считалось, что именно этот цвет приводил слонов в возбуждение. Позднее – во II в. до н. э. (*возможно, и раньше?*) – для защиты животного от стрел и копий его

спину и бока стали покрывать доспехами (*бронзовыми?*) либо неким подобием «чешуи» (?) из медных щитов. Не исключено, что это могла быть и просто кожаная попона, на которую были нашиты металлические пластины, либо и вовсе на слонов надевали длинную кольчугу, подбитую изнутри хлопком, поскольку технология изготовления таких панцирей была уже давно хорошо отработана. В то же время боевого слона отнюдь не всегда покрывали защитным доспехом. Все могло определяться боевой обстановкой (ситуацией) и поставленной перед ним боевой задачей. Зато точно известно, что на бивни слонов надевали металлические наконечники (ножи) или к ним привязывали копья. К груди животных могли прикрепляться кольца, окованные металлом, что лишь усиливало их пробивную мощь против вражеских боевых линий, в частности, так могли поступать карфагеняне, которые всегда стремились использовать боевых слонов.

До сих пор идут жаркие споры по поводу количества воинов («танкистов»), сидевших на слоне во время боя, причем речь идет о слонах без боевых башен («боевых рубок»). Обычно исследователи сходятся на цифре *четыре*: погонщик, пара-тройка разнообразно вооруженных воинов – два ведут огонь по сторонам и один – назад. Копейщик защищал слона сбоку и сзади, не давая пехоте подобраться к его ногам и брюху, а лучник и дротикометатель вели обстрел врага с высоты «двухэтажного дома». Как правило, это традиционный набор воинов для экипажа «машины боевой» на заре ее применения, т. е. сугубо среди индусов или до того, как с ней познакомился Александр Македонский и она стала достоянием эллинов.

Историки никак не могут решить: *кто* защитил тело слона доспехом, *кто* повесил колокол для звукового устрашения, *кто* «украсил» могучий лоб животного медным налобником с красивым плюмажем и металлическим «рогом»?! Наконец, *кто* именно «оснастил» его спину небольшой башенкой (*легким деревянным каркасом, обтянутым кожей*) с несколькими разнообразно вооруженными воинами внутри!?

Принято считать, что именно появление этой «боевой рубки» – своего рода «танковой башни» – на спине слона, по сути дела, превратило четвероногого гиганта в некое подобие... «живого танка» с «танкистами» внутри? То ли это дело рук полуполюгендарного Селевка, то ли – знаменитого эмирского царя-полководца Пирра?! Впрочем, не все согласны с тем, что подобная модификация боевого слона – дело рук какого-то одного человека, а не результат коллективного творчества пытливого ума «военспецов» 40-летней эпохи войн диадохов, когда именно массированное применение «четвероногой бронетехники» стало особо популярно на полях сражений.

У нас нет веских доказательств в пользу сложившегося в литературе мнения якобы о наличии если не настоящих боевых башен, то хотя бы их прототипов в виде легких жердевых конструкций (*небольших легких «корзин»*) на индийских слонах в знаменитой битве при Гидаспе между Александром Македонским и индийским царем Пором. Не экипировал своих слонов башнями Александр Македонский и позднее: у него на слоне сидели лишь погонщик и гоплит, с очень длинной (от 4 до 6 м) сариссой. По крайней мере, так полагают некоторые исследователи, в частности российский антиковед-элефантовед А.В. Банников. Кое-кто, например, д.и.н. А.К. Нефёдкин, не исключает, что впервые на спины слонов водрузил боевые башни – деревянный каркас, обтянутый кожей и усиленный щитами, – кто-то из военных инженеров знаменитого диадоха Александра Македонского – Антигона Одноглазого. Тем самым была повышена эффективность и разнообразие применения этих гигантов на поле боя: башня (со стенками ок. 160 см) придавала воинам большую устойчивость, столь необходимую для стрельбы, а также защищала экипаж от неприятельских метательных снарядов и избавляла от щита и другого защитного снаряжения, мешавшего стрельбе. Как результат, Антигон дважды смог победить другого диадоха Эвмена при Паретакене и Габие, несмотря на то, что оба раза у него было вдвое меньше слонов – 65 против 125, но его «танки» были лучше экипированы и вооружены.

Оптимальное количество бойцов в башне могло колебаться от 2 до 4, в иных случаях они начинали мешать друг другу. В то же время количество этих «башенных» бойцов во многом могло определяться физическими возможностями самого слона. Принято считать, что максимально слон мог нести на себе вес до 540 кг, чтобы свободно передвигаться по полю боя. Примечательно, что примерно столько могла весить башня с 5–6 воинами. Раненые слоны всячески стремились избавиться от носимой ими «боевой рубки», переворачиваясь и перекатываясь через спину.

Наличие или отсутствие башни на спине слона определялось той или иной тактической задачей, которую он и его «коллеги по цеху» должны были выполнить на поле сражения. Так, если слонам вменялось прорвать строй врага, то башни в принципе были бы им лишь помехой: они бы сковывали их движения, раскачивались во время «рывка» на врага из стороны в сторону и воины внутри башен были бы мало пригодны для боя. Точно так же башни лишь мешали бы слонам, брошенным штурмовать вражеские полевые укрепления, в частности рвы и валы. Зато, когда им ставилась задача удерживать занятую позицию, они могли быть весьма эффективны благодаря воинам в башне, которые могли с пользой применять свое оружие сверху вниз. В этом случае в башне могло быть помещено максимальное число солдат, которое мог поднять слон – 5–6, если не более! В то же время если слоны сталкивались со слонами, то им следовало быть максимально мобильными и размеры башен (если они устанавливались на спинах «слонов-единоборцев») должны были быть весьма компактными (1,5 x 1,5 м), т. е. на 2–3 человек. Особо крупные башни (на 10 бойцов?) могли использоваться на спинах слонов, когда армия осаждала города и нужно было уничтожить защитников, стоявших на стенах.

В то же время до сих пор ученые спорят о наличии боевых башен именно у карфагенских слонов. И хотя полностью исключать этого нельзя (в частности, когда тактическая задача слонов на поле боя носила оборонительный характер либо при осаде крепостей?), но доподлинных доказательств этого у нас нет. Тем более что сама карфагенская тактика на поле боя не способствовала широкому применению башен на спинах слонов. Слон для карфагенян был сродни современному танку – ему надлежало прорывать вражеский строй, а также штурмовать лагерь. В данном случае башни только бы мешали «живым танкам» выполнять поставленную им задачу, когда от них требовалась максимальная скорость и маневренность. Более того, карфагенским слонам не приходилось вступать в единоборства со слонами неприятеля (у того их обычно не было), и не нужно было взаимодействовать с легковооруженными отрядами. Правда, ближе к концу Второй Пунической войны (к концу III в. до н. э.) ситуация поменялась. Количество слонов в карфагенских войнах сильно уменьшилось, и их полководцы пересмотрели тактику своей элфантерии. Из-за необходимости увеличить боевую мощь каждой отдельной «боевой машины» карфагеняне стали устанавливать на их спинах башни. Но численность их экипажей могла варьироваться в зависимости от возраста и физических возможностей слонов: у молодых слонов их могло быть немного, а у взрослых – больше.

Таким образом, можно полагать, что элфантерия могла подразделяться, как и кавалерия и пехота, на **легкую, среднюю, тяжелую** и даже **сверхтяжелую**, когда все зависело от мощи слона, его вооружения и численности боевых экипажей, в том числе в башнях.

...**Кстати**, принято считать, что в основном у солдат, помещенных в башню на спине слона, было метательное оружие (дротик, праща и лук либо некие зажигательные снаряды), причем предпочтение могло отдаваться первым двум, так как их всегда можно было бросать наугад в стоящих внизу плотной толпой врагов. В иных случаях это могли быть длинные копья, в том числе наподобие многометровых македонских сарисс. Но наличие последних вызывает у некоторых ученых, в частности у д.и.н. А.К. Нефёдкина, вполне обоснованные сомнения из-за их «экономичности» в ходе боя, чья огромная

длина требовала не только недюжинной силы от воина, но и определенной статичности, что, впрочем, является предметом дискуссии...

Сегодня известно, что в греко-македонских армиях, в частности у диадохов Александра Македонского, их «слоновьи корпуса», или элэфантерия, подразделялись на конкретные тактические единицы (отряды). Самая мелкая состояла из двух слонов, потом – 4 слона, 8, 16 (она называлась элэфантархией), полуфаланга включала 32 животных, и 64 «боевые машины» образовывали фалангу под началом фалангарха. При этом каждый слон должен был иметь отряд сопровождения из лучников, пращников и дротикометателей, но сколько их было, нам точно неизвестно.

Издавна считается, что *наибольшую эффективность слоны приносили в борьбе с вражеской конницей, чьи лошади обычно испытывали ужас при виде четвероногих гигантов*. На самом деле после определенной тренировки они вполне спокойно относились к слонам, чему могут быть свидетельством сражения, где сторона, «вооруженная» слонами, в конечном счете, проигрывала бой тем, у кого их не было.

Именно слонами было принято защищать самые слабые участки боевого строя, где пехота и кавалерия не могли быть столь же эффективны. В данном случае слоны играли роль неких «пушек» и даже орудийных «батарей», когда их было несколько штук. Характерно, что в греко-македонских армиях, а вернее, эллинистических войсках диадохов Александра Македонского и их потомков, слонов в основном выстраивали в одну линию либо перед всем фронтом, либо перед центром, либо перед флангами, причем на равном расстоянии друг от друга, примерно в 30 м (вернее, 30,83 м). Впрочем, зачастую все зависело от численности «слоновьего корпуса» и протяженности фронта либо его части, которую надлежало прикрыть слонами. При этом слонов выстраивали на расстоянии от пехоты и кавалерии не менее чем в 60 м, чтобы в случае отражения врагом слоньей атаки было пространство, где их можно было бы снова собрать и, не смешав свои собственные боевые порядки, отвести их в тылы или снова бросить в атаку.

Иногда, когда слонов было очень много и не представлялось возможным всех их равномерно рассредоточить вдоль всего строя в одну линию, тогда из них могли образовывать некий стратегический резерв на случай критической ситуации в ходе боя и ими могли «затыкать» брешь либо останавливать прорыв вражеской кавалерии. Но такие случаи были крайне редки, если были вообще.

Если слонов было мало, то их, наоборот, старались всячески беречь на случай необходимости ошеломляющего эффекта от их внезапного появления на поле боя.

Когда слонов хотели использовать в качестве своего рода «живого» щита против вражеской конницы, то их размещали на флангах впереди (либо по бокам) своей собственной кавалерии. Причем четвероногих гигантов ставили полумесяцем, чья выступающая сторона обязательно смотрела на врага, а края отодвигались назад. Так поступали, чтобы, с одной стороны, не быть слишком близко к своей кавалерии и не пугать ее лошадей, а с другой – не быть слишком далеко от своих остальных родов войск и не оказаться от них отрезанными стремительным броском неприятеля. При данном построении лучники, пращники и дротикометатели обязательно стояли в интервалах между слонами, чтобы своим «огнем» сдерживать атаки вражеской кавалерии и наносить ей урон, но самим не подвергаясь при этом потерям, будучи под защитой слонов. Под их прикрытием они порой могли выдвигаться на выгодные боевые позиции. Столь же успешно они могли сражаться под слоньим прикрытием с легковооруженной пехотой врага. Если слонов ставили сбоку от фланговой кавалерии, то они сами могли нападать на фланги неприятельской пехоты либо схлестнуться в противоборстве с вражескими слонами, тоже размещенными на крыльях своего боевого порядка. Когда какая-либо из сторон брала верх, то тут же противная сторона бросала в атаку свою конницу, чтобы развить успех, пока неприятельская элэфантерия откатывается в тыл.

Иногда, когда слонов было очень немного, они могли играть роль «живых» бастионов, о которые на поле боя должны были разбиваться вражеские атаки. Тогда слонам обязательно придавали большие отряды поддержки из тяжелой пехоты и кавалерии.

Против плотного слоя вражеской тяжелой пехоты слонов бросали, лишь когда их было очень много, и тогда натиск целого стада из нескольких десятков четвероногих гигантов – огромной слоновьей массы – было остановить очень трудно. Когда слоны играли роль тарана вражеского строя, то сзади их поддерживала тяжелая пехота, но шла она на дистанции и, скорее всего, с интервалами, чтобы было куда пропустить отраженных врагом животных и в панике кинувшихся назад. Точно так же поступала и вражеская тяжелая пехота, которая не стояла сплошным фронтом. Скорее всего, она имела интервалы, чтобы пропустить бегущих на них слонов либо во время расступалась перед «живыми танками».

Правда, в этом случае требовалась очень высокая выучка и психологическая стойкость пехотинцев и четкое ими командование, что в суматохе боя было выполнить очень сложно, порой чуть ли не невозможно. Лучше всего это удавалось вымуштрованным римским легионерам, да и то не «с первого захода» и не всегда.

Долгое время было принято считать, что четвероногим гигантам присуща психическая неустойчивость и во время сражения они могут быть легко напуганы и броситься на своих же солдат. В результате у современных ученых сложилось предвзятое отношение к этому роду войск. На самом деле, чтобы научиться отражать атаку чудовищно сильных четвероногих гигантов, нужно было придумать эффективные способы сопротивления, тем более что одно только уже появление слонов на поле боя так или иначе на многих солдат оказывало сильнейший психологический эффект. Рассказывали, что против слонов были очень эффективны горящие метательные снаряды. Возможно, оно и так, но едва ли это было возможно в открытом бою, где у воинов, находящихся в гуще схватки, вряд ли была возможность зажечь стрелу?! Другое дело обстреливать животное из-за укрепления.

Зато другой способ – «ежи» или три склепанных друг с другом металлических шипа таким образом, что как бы «ежик» ни упал, одна из его «иголок» всегда «смотрела» вверх. Тем самым именно это средство могло быть одним из самых успешных в борьбе с наступающими четвероногими гигантами. Точно такой же эффект могли приносить доски со специально вбитыми в них огромными гвоздями или острыми шипами. Имя их разработчика осталось истории неизвестно. Возможно, это случилось еще во времена Александра Македонского. Правда, и те и другие еще надо было умело «рассыпать» на пути следования слонов, причем непосредственно перед их атакой, т. е. прямо под «гусеницы» «четвероногой бронетехники». Иначе эти «примочки» не успели бы «сработать»: враг постарался бы убрать их с пути «катящихся в атаку живых танков». И хотя последние считались весьма эффективными, но их применение все же грозило значительными потерями среди пехотинцев, отчаянно кидавших смертоносные доски под ноги гигантам, чьи могучие хоботы ловко хватили их, ломали им ребра, душили либо просто с силой бросали оземь... на те же самые доски!

Правда, специально подготовленные бойцы ухитрились подкрадываться к слонам вплотную, стремясь поразить их копьем в брюхо либо подрубить им серповидным мечом или боевым топором с длинной рукояткой сухожилия под коленями колонноподобных ног, самые чувствительные части тела животных. Напомним еще раз, что ноги у слонов всегда сильно перегружены, и любые повреждения быстро выводили их из строя: в отличие от других животных, слон не только не может передвигаться на трех ногах, но даже долго стоять, если одна нога серьезно ранена. Но и подобные «трюки» чаще всего заканчивались смертью его исполнителя: разъяренное от боли животное успевало отомстить обидчику с помощью смертоносного хобота. Тем более что, как уже говорилось выше, отрубить нависающий сверху хобот из упругой и твердой кожи (*своего рода кожанный панцирь!*) ударом снизу – задача почти непосильная, тре-

бовавшая исключительной физической силы, невероятной ловкости, особой сноровки, очень острого меча и, что самое главное... отчаянной храбрости.

Это как с гранатой на танк: либо – ты его, либо – он тебя!

По некоторым данным, слонов можно было остановить с помощью баллист, заряженных особо крупными метательными снарядами. Правда, реальные свидетельства их применения до нас так и не дошли. Впрочем, это могла быть и небыль, если реальной подоплеки не было. Много шума наделали рассказы о якобы очень эффективном средстве по борьбе со слонами: против них пускали свиней и поросят, обмазанных смолой и подожженных. Бедные животные от жуткой боли дико визжали и стремительно неслись на... слонов. При этом гиганты боялись не столько их пронзительного визга, сколько... пламени, которое они несли на себе, приближаясь к ногам слонов.

В то же время возникает пара вполне естественных вопросов. *Во-первых*, может ли поросчатый визг заглушить гром и грохот сражения – лязг и скрежет оружия, ржание лошадей, вопли и стоны раненых, топот конницы и трубный рев слонов? *Во-вторых*, надо было еще добиться того, чтобы горящие поросята бросились бежать именно на слонов, а не куда-нибудь в стороны!

На самом деле, эффективнее всего против слонов действовали небольшие отряды метателей снарядов (лучники, пращники и дротикометатели). Они, подобно «осам», роились вокруг четвероногих гигантов, методично обстреливая со всех сторон. Причем главной целью для всех видов стрелков были погонщики слонов, которые, сидя у них на шее, служили прекрасной мишенью. Тем более что на «махутах» был лишь шлем и легкая хламида – так им было легче управлять «бронетехникой». Убив или тяжело ранив его, враги обычно «обезглавливали» «боевую машину». Гибель махутов превращала «живые танки» в беспомощное стадо. Оставшись без вожатого, слон становился совершенно непредсказуемым и мог начать бесцельно метаться по полю сражения, давя как чужих, так и своих, либо и вовсе покинуть его. Именно поэтому «четвероногую бронетехнику» – слоновьи отряды – обязательно защищали лучники и дротикометатели.

Помимо махута, слон ориентировался на... вожака своего стада. И стоило тому погибнуть либо повернуть назад, как все слоны могли, не обращая внимания на команды своих погонщиков, обратиться в бегство, смяв-перетоптав по пути свою же пехоту и распугав свою же конницу. Не только раны, но и грохот боя нередко приводили к тому, что врагу удавалось обратить перепуганных слонов против своих воинов. Так вот, как только погонщик понимал, что животное, либо получив слишком много ран, либо по еще какой-то причине, стало неконтролируемым и вот-вот повернет на свое же войско и нанесет тому непоправимый урон, ему приходилось срочно умерщвлять четвероногую «бронетехнику», вбив в затылок слону свинцовым молотком большое металлическое долото. В то же время умные животные, намереваясь бежать, могли скидывать своего седока-убийцу.

Рассказывали, что кое-кто из античных полководцев вроде бы пытался бороться с «живыми танками» врага с помощью специально обученных и экипированных отрядов «слоноборцев». В них набирали очень подвижных и в то же время столь же физически сильных, отчаянных сорвиголов. Их шлемы, щиты, наручники и наплечники были покрыты «шипами или остриями», чтобы гигант не мог схватить их своим смертоносным хоботом, когда они кидались к нему, пытаясь его «обездвижить», подрубив ему топорами и секирами сухожилия ног. Впрочем, веских свидетельств о применении именно этих «спецназовцев» против слонов у нас нет.

В общем, как это всегда было в истории развития военного дела: *на всякое новое оружие люди стремились поскорее найти противоядие, причем не одно, а желательно несколько видов «контроружия», причем максимально эффективных*. Так они и сосуществовали: **на каждый «ход конем» противник отвечал адекватным ноу-хау, и здесь все средства были хороши.**

Содержание больших «живых танковых бригад» во все времена стоило столь огромных средств, создавало так много организационных трудностей, что со временем они перестали себя оправдывать. Ведь нередко сражения с применением «живых танков» заканчивалось весьма плачевно: обратившаяся по тем или иным причинам в паническое бегство «четвероногая бронетехника» сминала свою же пехоту, распугивала свою же конницу, и, воодушевленный противник, преследуя бегущих, разил направо и налево. И все же, несмотря на легко прогнозируемую непредсказуемость «живых танков» в ходе боя, даже такой гениальный полководец, как Ганнибал (*а еще раньше – знаменитый эпирский царь Пирр!*), так и не смог подняться выше модных тенденций той поры и отказаться от их использования. В конечном счете этот «консерватизм» сыграл роковую роль в его (*и Пирра тоже!*) военной карьере.

И последнее по поводу четвероногого «бронекорпуса» в составе карфагенской армии. Впервые пуны выпустили его на поле боя под Акрагасом в 262 г. до н. э. Долгое время считалось, что во времена Пунических войн карфагеняне могли использовать в боевых действиях не только африканских, но и индийских слонов. Но сегодня у нас нет твердой убежденности, что это именно так. Даже если речь идет о полуполюгендарном слоне по имени Сур, на котором Ганнибал совершил свой знаменитый марш-бросок через болота римской Этрурии. Нюансы этого «дела» мы раскроем чуть позже.

Глава 4. Римские легионы на полпути к совершенству

Безусловно, римская армия была одной из наиболее мощных «военных машин», когда-либо создававшихся военным гением человека, наводившей ужас на противника. Но к моменту судьбоносного столкновения Карфагена и Рима за господство в Западном Средиземноморье – вторая пол. III в. до н. э. – знаменитые римские легионы, которые спустя века победоносно пройдут полмира и позволят Риму в течение нескольких столетий господствовать далеко за пределами Средиземноморской ойкумены, были отнюдь не той совершенной военной машиной, какой они стали в эпоху Гая Мария, Гнея Помпея и Юлия Цезаря, т. е. по сути дела уже в I веке до н. э. Затяжные войны с Карфагеном застанут их на полпути в этом весьма нелегком процессе создания совершенной армии. Вместе с тем первое по-настоящему смертельно опасное испытание – своего рода обкатку «танками» (*в их роли выступили неизвестные им ранее боевые слоны и превосходная фаланга профессиональных наемников знаменитого Пирра из Эпира*) римские легионы уже выдержали.

...**Между прочим**, «военная машина» Рима была составной частью весьма военизированной политической системы Рима. Высшей ступенью в его военно-политической лестнице было **консульство**. Консулов ежегодно избирали в июне на Марсовом поле. В выборах консула могли участвовать все граждане Рима вне зависимости от происхождения и богатства. Голосование производилось по трибам (территориальным округам). Обычно трибутные комиции (собрания) происходили на Форуме, реже Капитолии. Все было очень просто: в соответствии с количеством округов ставилось 35 «оград» («загонов»). В каждом из них собирались представители конкретной трибы, а при выходе из них их голоса фиксировались и подсчитывались. Простое большинство определяло общее мнение округа. Решение считалось принятым, если за него подавали голос 18 триб. По имени избранных консулов в Риме обозначался год. Через 6 месяцев, 1 января следующего года, они приступали к исполнению своих обязанностей. В пределах Италии консулы не имели права командовать войсками без особого постановления сената и не имели военной власти. Консулы имели право созывать сенат и народные собрания (комиции), председательствовать в них, осуществлять набор и командовать войском, вносить законопроекты и проводить выборы на различные должности, контролировать действия других должностных лиц и вершить суд. Наконец, только консул имел право получить в случае победы над врагом от своих солдат почетный титул императора, т. е. победоносного полководца. Одним из отличительных признаков его власти была почетная стража – 12 ликторов с «фасциями» на плечах (*двенадцать связанных ремнями красного цвета пучков березовых или вязовых прутьев*), которые сопровождали их в общественных местах. За чертой города в связки прутьев вкладывались двусторонние топоры, символизировавшие власть консула над жизнью находившихся рядом с ним граждан (*в городской черте власть консула ограничивали народные трибуны и народное собрание*). Когда срок пребывания консула в должности заканчивался, ему в некоторых случаях удавалось сохранить власть без выборов, и тогда он назывался **проконсулом** (заместителем консула). Ниже консула стоял **претор**. На заре Римской республики он был один, затем с 242 г. до н. э. их стало двое, потом их число постепенно росло: всего – до шести (либо восьми). В их ведении в первую очередь были судебные дела, вплоть до вынесения смертного

приговора. Они могли вести внешние дела государства, командовать одним легионом либо замещать консула в его отсутствие. Так же им полагалось устраивать игры и празднества. Покидая город, преторы получали почетную стражу в 6 ликторов с такими же связками и топориками, как у консульских ликторов. У преторов, как и у консулов, могли быть помощники – **легаты**, которых они назначали себе сами. Должность легата открывала перед ее обладателем широкие возможности: при необходимости он мог командовать частью войска, и в случае успеха у них мог быть карьерный рост. Но в то же время право на триумф в случае победы у них как у подчиненных отсутствовало. Каждые пять лет римляне избирали двух **цензоров**, причем срок их должности определялся полутора годами. Именно цензоры проводили перепись римских граждан – ценз. Во время этой процедуры, проходившей на Марсовом поле, они могли заявить тем членам всаднического сословия, которых считали недостойными: «Продай коня». Это означало крайнее бесчестье, крах надежд на карьеру и переход в низшее сословие. На основании сведений об имуществе сограждан цензоры обновляли податные списки римлян. Кроме того, они осуществляли надзор за нравственностью. Они ведали откупам, подрядами и общественными работами, а также наблюдали за исполнением такого рода контрактов. В этом и заключалась финансовая сторона их деятельности. К тому же именно им надлежало каждые пять лет пересматривать списки сенаторов и решать, кого исключить, а кого зачислить. Правда, потерять место в сенате было весьма сложно. Помимо смерти из списка сенаторов могли исключать за уголовное преступление, разврат, мотовство, трусость в бою. Восстановиться можно было после исполнения должности претора. Поскольку они (как, впрочем, и диктаторы) не обязаны были давать отчет о своей деятельности, то стать цензором было весьма выгодно. Цензоров чаще всего избирали из бывших консулов, и это считалось очень престижным завершением политической карьеры. А вот заботы о благоустройстве и общественном порядке в Риме и его окрестностях в радиусе полутора километров лежали на **эдилах**. Их было четверо: по два от *патрициев* (аристократии) и *плебеев* (простонародья). Зоной их деятельности был Рим и земли в радиусе мили от города. Они следили за состоянием построек, чистотой и порядком на улицах, снабжением города водой, хлебом, продажей его беднякам по сниженным ценам, ценами и качеством товаров на рынках и особенно за устройством общественных увеселительных мероприятий. Все это требовало серьезных расходов, которые эдилам полагалось покрывать из собственного кошелька. *(Именно поэтому кое-кто из римских политиков старался по возможности «проскочить» сколь хлопотную, столь и дорогостоящую должность эдила.)* Если эдил испытывал финансовые затруднения, то он мог взять в долг у людей, видевших в нем перспективного государственного деятеля. Но если эдил не оправдывал ожиданий работодателей, да еще и не смог вернуть долг, то он надолго попадал в долговую зависимость и лишался надежд на служебное продвижение. Зато политик, отменно зарекомендовавший себя как эдил, обычно становился консулом. Ниже эдилов стояли **квесторы**, которых было 20. Именно с этой должности обычно начиналась политическая карьера в Риме. Различались квесторы городские (т. е. в Риме), италийские, провинциальные и военные. В их обязанности входило оказывать помощь наместникам провинций главным образом в финансовых делах: заведовать казной, вести учет

налогов, следить за поступлением налогов, взыскивать штраф, осуществлять судопроизводство над должниками государства, продавать с торгов имущество тех, кто оказался неплатежеспособным, инспектировать рынки, надзирать за государственными доходами и расходами, а также архивом, в котором хранились постановления сената и законодательные акты. Военные квесторы (*по сути дела квартирмейстеры*) занимались финансовым обеспечением легионов и их хозяйственной частью: выплатой легионерам жалованья, выдачей обмундирования, вооружения, оснащения, размещением лагеря и его обеспечением припасами, продажей пленных в рабство, а также распоряжались захваченными трофеями. После окончания срока квестуры бывший квестор получал право занимать место в сенате. Особую роль играли **народные (плебейские) трибуны** – совершенно особая магистратура, возникшая в результате вековой борьбы патрициев и плебеев. Их было 10, и они обязательно происходили из плебеев. Хотя они и стояли ниже квесторов, но возможности эта должность предоставляла огромные, особенно по защите интересов рядовых граждан от произвола всех тех, кто стоял над ними в социально-политической лестнице Рима, исключая лишь диктаторов. Трибуны имели право созывать народные собрания и сенат, налагать вето («запрещаю») на решения вышестоящих чиновников (кроме диктатора) и сената, а также на обсуждение законопроектов, заключать в тюрьму всех чиновников (опять-таки кроме диктатора), вносить законопроекты (кроме них этим правом обладали только консулы). Не подчинившийся вето подлежал аресту. Трибуны имели право оказывать помощь любому гражданину, пострадавшему от произвола того или иного чиновника. Поэтому их дом всегда должен был оставаться открытым, а сами они не имели права отлучаться из Рима даже на один день (или более чем на день?). *Личность трибуна была неприкосновенной, и его убийство считалось святотатством.* Подобно цензорам они не давали отчета о своей деятельности. Но любые их действия мог парализовать кто-то из их... девяти коллег. В Риме с целью информации граждан по важным вопросам политического и религиозного характера на юго-восточном склоне Капитолийского холма или на центральной площади – Форуме – созывались сходки, народные собрания. На них масса граждан имела право высказывать мнение по поводу сделанных ей сообщений или докладов, чем трибуны ловко пользовались. За демагогическую деятельность среди народа, приводившую к беспорядкам, трибунов нередко подвергали суровому судебному преследованию сразу после окончания их полномочий. В экстраординарных случаях вводились должности **интеррекса, диктатора** и **начальника конницы**. **Интеррекс** («междуцарь») назначался сенатом в том случае, если выбывали из строя представители высшей власти – например, когда смерть уносила консулов. Он являлся как бы временным царем и избирался из числа патрициев на пять дней, а затем назначал себе преемника, и так до тех пор, пока не выбирали новых консулов. **Диктаторы** назначались сроком на шесть месяцев для выправления тяжелой военной ситуации, подавления внутренних волнений, пополнения сената и прочих судьбоносных решений, в том числе религиозного характера, направленных на исправление катастрофически развивающихся событий. Иногда они назначались только для проведения консульских выборов, когда в Риме не могли присутствовать действующие консулы. Диктатор обладал неограниченной властью и не нес перед сенатом ответственности за свои

действия. Его особые полномочия подчеркивала свита из 24 ликторов, в фасцы которых всегда были воткнуты топоры. Помощником диктатора становился **начальник конницы**, которого он должен был выбрать себе сам. При необходимости он заменял его либо заступал на его место. Высший орган государственной власти в Риме – **сенат** – обычно состоял из 300–350 человек. Его сфера деятельности была очень широка. Он ведал делами посольскими, назначал наместников провинций, принимал их отчеты, издавал для них обязательные постановления, награждал триумфом (*особые торжества в честь победоносного полководца; подробности – ниже*), определял празднества, молебствия, заведовал распределением государственных финансов, ведал постройкой храмов, обсуждал вносимые в народное собрание законопроекты, меры по поддержанию в государстве спокойствия, уголовные дела и т. п. Работой сената руководил **принцепс сената** – тот, кто стоял первым в списке сенаторов и кто первым высказывал свое мнение (докладчиками обычно выступали консулы и преторы), кто первым вносил предложения и подписывал оформленное решение. Принцепсами, как правило, становились: бывшие цензоры, знаменитые ораторы и люди, не запятнавшие себя на государственной службе никакими злоупотреблениями. И последнее на тему некоторых особенностей политической «лестницы» Рима периода Республики – нюансы возрастного ценза для начинающих политиков. Обычный порядок последовательного восхождения по служебной лестнице Рима был таков: **квестура** – в 27 (28–29) лет, **народные трибуны** – 33–35 лет, **эдилитет** – в 37 (36–38) лет, **претура** – в 39 (40) лет, **консулат** – в 42 (43) года и цензорство. Переизбираться в консулы можно было лишь спустя 10 лет после первого срока. Примечательно, что все эти государственные обязанности не оплачивались, поскольку считалось большим почетом служить римскому народу...

Военное дело в Риме было поставлено на широкую ногу. Принято считать, что контуры той армии, которая по праву считалась лучшей в древности, были заложены полубогатырской личностью в истории Рима – героем Вейентинской и Галльской войн – неким Марком Фурием Камиллом. Не исключается, что это эпохальное событие случилось после того, как римляне потерпели сокрушительное поражение от галльских полчищ в 390 г. до н. э. при Аллии. Горькие уроки Самнитских войн (343–290 гг. до н. э.) и войн с эфирским царем Пирром (280–275 гг. до н. э.) тоже могли внести свой вклад в начало процесса создания того самого мобильного и активного римского войска, что спустя века сделает Рим столицей ойкумены той поры. Накопительный характер боевого опыта (как положительного характера, так и отрицательного) привел к переменам, которые могли быть проведены не в одночасье, а постепенно.

Впрочем, по мнению некоторых историков, в этом вопросе до сих пор все же больше «белых пятен» и «черных дыр».

Так или иначе, но большинство исследователей склонны полагать, что в полевой армии служили по призыву все свободные граждане Рима в возрасте от 17 до 46 лет. (*В случае национальной опасности призывной возраст увеличивался до 50 лет.*) В гарнизонах несли службу остальные военнообязанные, т. е. 47–60-летние римляне. Римляне уделяли очень большое внимание военной, физической и моральной подготовке своих воинов: учебные бои (*индивидуальные схватки, бой в строю*) и марш-броски, скалолазание и плавание, рытье оборонительных сооружений и установка лагерей. Военная служба считалась не только обязанностью, но и честью: к ней допускались только полноправные граждане Рима. Уклонение от воинского долга каралось весьма сурово: виновный мог быть лишен гражданских прав и продан в рабство. Но

никто не мог быть призван на военную службу более чем на 16 лет. Оружие и доспехи римляне приобретали за свой счет.

...**Между прочим**, стаж военной службы был необходим для получения государственных должностей. Только служба в армии давала возможность людям из высшего сословия сделать серьезную политическую карьеру. Политическая карьера должна была начинаться со службы офицером при штабе командующего с **военного трибуна** (*не путать с народным трибуном!*). Всего их могло быть 6: 1 – от сословия сенаторов и 5 – от сословия всадников. (*Народные трибуны и эдилы не имели военных обязанностей.*) Они поочередно принимали участие в управлении римским легионом. Каждые два месяца им командовала одна пара военных трибунов: они могли все решать совместно либо командовать по очереди, через день или через месяц. Какова была роль в это время остальных четырех военных трибунов, доподлинно неясно. Личность военного трибуна также считалась неприкосновенной, и за свои действия он ответственности не нес. Как уже говорилось, начинающие политики, стремясь побыстрее добиться популярности среди простых граждан, часто стремились стартовать в карьере именно с этой позиции. Так, только после этой должности молодой человек имел право выставить свою кандидатуру на выборах **квестора** (*чиновника, ведавшего финансами и в крайних случаях замещавшего командующего армией*), чья должность считалась первой ступенью для начинающего политика – именно она открывала дорогу в сенат и т. д. На выборах в Риме была серьезнейшая конкуренция, и отнюдь не все сенаторы когда-либо получали высокие должности. Система голосования давала преимущество более состоятельным классам общества и благоприятствовала представителям старинных, богатых и знатных семей. Чаще всего консулами становились члены известных сенаторских семей. Представители других сословий, особенно безродные выскочки, получали эту должность крайне редко, как правило, за счет особых личных качеств. В основном все контролировалось внутренней элитой, которую составляли определенные семьи, состав членов этой группы менялся на протяжении долгого времени: одни роды вымирали, другие уходили в тень, в первые ряды выдвигались новые. У сенаторов были свои особые знаки отличия: золотые кольца, высокие сапожки и, конечно, знаменитые белоснежные «тоги» – огромные прямоугольные, круглые либо эллипсовидные куски шерстяной или льняной ткани (3,5 x 5 м или 2 x 5,6 м, либо 1,8 x 6 м), украшенные по низу алыми широкими полосами. Тоги, кстати, были национальной и основной одеждой римских мужчин, служившей символом гражданского достоинства. Существует такое выражение «*Roma togata*», что переводится как «*Рим, носящий тогу*». Тога – символ зрелости, прав гражданина Рима. Юноши из аристократических семей могли ее надеть, только достигнув совершеннолетия – 17 лет (*позднее в 16, а потом и в 15 лет*). Белая тога на их плечах означала, что они готовы исполнять обязанности гражданина. Теперь им следовало добиваться славы не в мечтах, а на деле. Римлянин, совершавший преступление, прежде всего лишался права носить тогу. Рабы, иностранцы и изгнанники носить тогу не имели права. Полководец-победитель имел право появиться в Риме в затканной золотом пурпурной тоге-«пикте». Первым постоянно носить пурпурную тогу стал Юлий Цезарь. Лишь некоторые сановники удаивались такого же права. Позднее это право стало ограничиваться только императорами. В императорскую эпоху тога-

пикта была заменена пурпурным плащом полководца – палудаментумом. В торжественных случаях никакой плащ не мог заменить белоснежную тогу. Она была необходимой одеждой при императорском дворе, посещении цирков, театров, судебных заседаний, при встречах полководцев-триумфаторов, при посещении покровителя, во время официальных церемоний и т. д. Тога была парадной, праздничной одеждой, в которой по вполне естественным причинам было невозможно двигаться быстро. Для римского гражданина не было большей чести, чем выйти на Форум в тоге. Поскольку тога означала почетный знак римского гражданства, небрежно надетая тога вызывала насмешку. Движения ее обладателя были размеренны и неторопливы, походка медленная и плавная. Любопытно, но знаменитый римский полководец Сципион Африканский – победитель легендарного карфагенского военачальника Ганнибала – неоднократно подвергался упрекам за свою приверженность в публичных местах греческому платью, а не тоге! Тога не имела швов, ее ткали целиком. Существовало несколько видов драпировки тоги (*весьма непростых, и без сноровки было не справиться*); все они были без застежек или булавок. Обычно она складывалась вдвое, но не по диаметру, а на две не вполне равные части, благодаря чему один край был виден из-под другого, создавая впечатление как бы двойной одежды. Тогу перебрасывали на левое плечо, перегибали через спину, затем пропускали под правую руку и опять закидывали на левое плечо. Левая рука была закрыта, правая оставалась свободной. Тога одевалась настолько мастерски, что ткань держалась сама собой. Но чтобы придать более красивую и устойчивую форму складкам, в края тоги зашивали гирьки из свинца. Цвет одежды у римлян имел большое значение. Цвет тоги обычно был белым. Обязательная белизна тоги имела и символическое значение. Народ, занятый физическим трудом, не мог носить белую одежду. Поэтому римский плебс всегда был в разноцветной одежде желтого и серого оттенков. Среди этой черни выделялась фигура патриция в белоснежных одеждах. Белый цвет считался парадным, торжественным, в остальных случаях римляне предпочитали яркие цвета: красные, пурпурные, фиолетовые, желтые и коричневые. Именно из коричневой ткани делались траурные одежды. В поздние времена красную одежду стали носить франты, но это вызывало осуждение. Зеленый и оранжевый (*таким было головное покрывало невесты*) цвета, между прочим, считались женскими. Красота тоги заключалась в ее белизне и изяществе драпировки, возведенной в культ. Эта драпировка была определена традициями и утверждена законами. Ушли века на выработку приемов надевания и ношения тоги. Размеры тоги были столь внушительны, что правильно одеть ее было делом сложным и для этого требовалась посторонняя помощь. В эпоху Республики жены помогали мужьям надевать тогу, а когда Рим стал Империей, обязанность пала на плечи рабов (рабынь). Особо искусные в этом рабы ценились очень дорого. В количестве складок и их искусном расположении заключалась вся красота тоги. Еще с вечера рабы готовили складки для следующего утра, пользуясь для этого приспособлениями из досок. Уже на теле господина ее расправляли щипчиками, обтягивая книзу. Хорошо, красиво одетая тога была выражением основных качеств ее обладателя, таким образом, оценивавшегося по тому, как на нем сидит тога! *«Владыки мира – народ, одетый в тоги»* – так гордо сказал о своих соотечественниках знаменитый римский поэт Вергилий. Но оставим

капризы и причуды *Ее Величества Моды* эпохи Древнего Рима в покое и вернемся к делам сугубо мужским – военным...

Основу римской армии составлял легион (*своего рода некий аналог современной дивизии*), который в конце III века до н. э. мог насчитывать до 5 тысяч воинов, включая офицеров, знаменосцев, сигнальщиков и 300 всадников. Лишь к рубежу II–I вв. до н. э. состав римского легиона стабилизируется до оптимальных 4500 бойцов: 4200 человек пехоты и 10 отрядов (турм) конницы, по 30 (33) всадников в каждом (всего 300–330 всадников). Римская армия эпохи войн с Карфагеном была недолговечной: легионы распускали, когда сенат считал, что в них больше нет необходимости. Когда воины снова призывались на службу отечеству, т. е. Республике (*а это было именно так!*), то они, как правило, попадали уже в другие подразделения и к другим командирам. Следовательно, каждая новая римская армия создавалась... заново, а значит, только со временем снова становилась боеспособной. Легионы, сформированные из уже повоевавших бойцов, несомненно, отличались выучкой и дисциплиной, но для слаженности действий *в новом строю* все же требовалось время и тренировки. Так или иначе, но налицо некоторый диссонанс в римской военной машине той поры: рекрутов (*по сути, они действительно ими являлись, поскольку проводили в армии несколько лет подряд!*) раз за разом набирали, муштровали и раз за разом распускали!

До профессиональной армии Рим еще не дорос, но последний шаг в этом направлении был уже не за горами.

Поскольку к началу войн с Карфагеном, т. е. к середине III века до н. э., Рим подчинил себе весь Апеннинский полуостров до долины реки По на севере, то все италийские племена были обязаны служить в римской армии и полностью нести расходы по содержанию снаряжаемых ими отрядов. Рим лишь определял число воинов, необходимое для армии (*например, двойное число конницы и равное римской количество пехоты: на деле это могло выглядеть как пять союзных пехотинцев на четыре римских и три союзных кавалериста на одного римского*). Обычно на один легион полагалось 5 тысяч союзных пехотинцев и 600 либо 900 всадников из числа союзников, что в целом давало около 9–10 тысяч воинов. Во время войны римляне могли потребовать от союзников неограниченное количество воинов. Союзники имели статус вспомогательных отрядов, никогда не составляли отдельного корпуса и всегда сражались на флангах римского войска. Командовали ими только римляне.

В случае крайней опасности Рим мог выставить почти миллионную армию – около 800 тысяч бойцов, однако только треть из них приходилась на римских граждан.

...**Между прочим**, в начале Республиканского периода в истории Рима его вооруженные силы обычно состояли из четырех римских и такого же количества вспомогательных (*союзных*) легионов; каждый консул, а их было два, командовал четверью (2+2) легионами. В среднем такая армия насчитывала до 20 тысяч бойцов. Если армии объединялись, консулы, по строго заведенному обычаю (*дабы в руках одного из них не сосредоточивалась большая власть*), командовали поочередно: либо через день, либо каждые два... часа?! Если первый вариант более или менее понятен, то второй вызывает немало вопросов. Именно эта очередность полководцев-консулов в командовании армией вкупе с их частой сменой – срок правления консула, а значит, и руководства армией ограничивался всего одним годом – были одним из самых серьезных недостатков римской армии. Для выработки единой стратегии в длительной войне с опасным врагом требовался один полководец. Но к моменту встречи с Карфагеном римляне до долговременного единоначалия еще «не доросли». Всему – свое время...

Большинство военных держав Древнего мира не имело тогда таких больших армий, как римляне, а потому не могли, к примеру, вести продолжительные войны из-за риска оказаться в окружении превосходящих сил противника, которые он успел бы сформировать и вооружить. Римляне, используя воинов всей Италии, могли одновременно воевать с несколькими армиями. Вместе с их целеустремленностью и упорством это давало римлянам возможность вести войну так долго, как этого требовали обстоятельства.

Пехота подразделялась на *легкую* – велитов, *среднюю* – гастатов с принципами и *тяжелую* – триариев.

Одетые в медвежьи или волчьи шкуры велиты, или «быстрые» (*обычно ими были наименее обученные молодые новобранцы в возрасте от 17 до 25 лет*), обходились не только без доспехов, но и шлемов, укрывая голову шапками из меха указанных хищников. У них имелся меч, 6 легких метровых дротиков с ремнем для метания, лук со стрелами, праща и небольшой (порядка 90 см в диаметре) легкий и круглый деревянный щит.

Гастатами (*копейщиками*) становились более опытные, но тоже молодые 25—30-летние воины. Они были вооружены двумя полтора-двухметровыми пилумами – тяжелыми (до 4 кг весом) дротиками (копьями) из длинного (0,5–1 м) и тонкого железного прута с закаленным зазубренным наконечником, насаженного на древко. Чем-то они были похожи на... гарпун китобоя. Сегодня не исключается, что пилум мог быть заимствован римлянами у самнитов либо этрусков.

... **Кстати**, главным наступательным оружием римской пехоты поначалу было длинное (до 3,5 м) тяжелое копьё с широким наконечником и небольшим острием с противоположной стороны – гаста. Полулегендарный реформатор Камилл оставил длинное копьё только триариям, а воинов первых двух линий – римский легион строился в три линии – снабдил двумя пилумами – дротиками из прочной тяжелой породы дерева с острым металлическим наконечником. (*Вполне возможно, что один из пилумов был существенно легче, чем второй. Не исключено, что это делалось для того, чтобы его было удобнее держать вместе со щитом.*) Перед тем как вступить в ближний бой, гастаты и принципы первых двух линий метали во врага пилум. Начинали, скорее всего, с более легкого. Случалось, легионеры оставляли второй (*более тяжелый*) пилум при себе и действовали им как копьем. Порой длинным металлическим наконечником пилума отражали удары вражеского меча. Иногда задние шеренги бросали пилумы через головы своих соратников уже в разгар боя, когда ввязавшийся в ближнюю схватку враг не ожидал смертоносного залпа и нес серьезные потери. Этот снаряд считался не только римским (?) ноу-хау, но и отличался большой эффективностью. Пробив щит (*обтянутый кожей, дубовый щит от 13 до 25 мм, пилум пронзал насквозь*), он искривлялся под собственным весом, делая щит негодным для употребления. *Во-первых*, чрезвычайно длинная железная часть пилума, как известно, достигавшая от 0,5 до 1 м (*при общей длине снаряда от полутора до двух метров*), не позволяла перерубать его мечом. *Во-вторых*, до древка пилума меч противника не мог достать. *В-третьих*, зазубренный наконечник не позволял его выдернуть. Щит с вонзившимся и загнущимся пилумом (*обычно их было несколько!*) неприятельские воины вынуждены были бросать, оставаясь без защиты перед атакой сомкнутого строя легионеров. Таким образом, с самого начала римские легионеры получали преимущество над противником в решавшем исход сражения рукопашном бою, где они предпочитали действовать короткими мечами. Не исключено, что именно поэтому пилум был самым смертоносным среди когда-либо существовавших

дротиков. Бросок пилума легионеры обычно сопровождали своим ставшим со времен войн с Карфагеном знаменитым громовым кличем «баррит» – криком, подражавшим реву разъяренных боевых слонов. Со временем тяжелый пилум станет короче, а легкий – длиннее, а в I веке до н. э. они и вовсе сравняются в длине. Позднее, уже к концу I века до н. э., они укоротятся настолько, что ради сохранения пробивной способности их станут утяжелять бронзой. Но только на закате Римской империи легендарный пилум выйдет из употребления: его вытеснит сколь короткий, столь и тяжелый (наполненный свинцом) дротик-«плюмбата», превосходящий все остальные метательные снаряды по дальностью. Особые свойства пилума позволяют некоторым историкам предполагать, что римляне уделяли очень большое внимание подготовке легионера к бою с применением именно метательного оружия! В то же время эта гипотеза вызывает некоторые сомнения, поскольку пилумы изначально делались как «одноразовое» оружие. Скорее всего, «удельный вес» этого вида оружия в общем ходе сражения был весьма высок, но не решающим...

Метнув пилум во вражеский щит, в котором он благополучно застревал, гастаты получали почти беззащитного противника. Тогда они вытаскивали короткий меч и, прикрывшись сами щитами, с криком кидались в ближний бой.

...**Между прочим**, многие исследователи полагают, что наряду с пилумом меч – недаром он был эмблемой Рима – был любимым видом оружия римлян! Считавшийся лучшим в Европе, универсальный «гладиус» – 60—70-сантиметровый прекрасно сбалансированный широкий (4–5,5 см) обоюдоострый и заостренный на конце меч из закаленной стали был годен как для рубки, так и для уколов. Это было наиболее удобно для римской пехоты, предпочитавшей ближний бой. Правда, римляне позаимствуют его у иберийских кельтиберов, отчасти усовершенствовав, лишь во время своей Второй войны с Карфагеном, т. е. уже в конце III в. до н. э. Искусство боя на мечах они довели до совершенства и считались лучшими поединщиками в этом виде оружия среди народов Средиземноморья. Легионеров обучали вступать в бой с противником, находящимся справа, а не перед ним. Дело в том, что воин противника, атакуя соперника, обычно поднимал свой меч высоко над головой для мощного рубящего удара и, опуская его, делал выпад вперед правой частью корпуса. В этот момент щит, который он держал в левой руке, оказывался бесполезным. Обученный атаковать противника, находящегося справа от него, римский легионер успевал сразить того, поскольку тот поднимал свой меч против воина, стоящего прямо напротив него. Кроме того, предпочтение отдавалось колющему, а не столь распространенному среди народов ойкумены той поры рубящему удару, поскольку один точный колющий удар в живот, бок или грудь разил противника быстрее, чем многочисленные порезы. Рубящим ударом римляне стремились подрезать противнику сухожилия ног, чтобы свалить его на землю. Такие мечи лучше всего подходили для ближнего рукопашного боя, тем более в тесно сомкнутом пешем строю. Рядовые легионеры носили свои короткие мечи на дважды охватывавшем поясницу боевом поясе типа портупей (реже на перевязи через левое плечо) с правой стороны, а слева у них висел небольшой, но широкий кинжал – «паразониум». Расположение короткого меча справа позволяло легионеру доставать меч, не раскрывая себя, не отводя щит в

сторону, причем даже в гуще схватки, будучи стиснутым со всех сторон. Только военачальники, у которых не было щита, носили меч слева...

Защитой гастатам служили: большие, выгнутые, овальные щиты; кожаные безрукавки ниже бедер; металлическая поножь на не прикрытой щитом правой ноге (*либо их не было вовсе и они могли быть привилегией лишь командиров-центурионов и тогда надевались на обе ноги?!);* наручи (*по крайней мере – на правом предплечье*); различные металлические (*чаще – железные, реже – бронзовые*) шлемы с козырьком, закрывавшим шею и большими (*от ушей до рта*) подвижными нащечниками для защиты скул. Шлемы украшались гребнем из конского волоса, что издали делало их похожими на конские табуны, либо тремя длинными перьями черного и красного цветов, для того чтобы воины казались выше, чем они есть.

...**Между прочим**, главной защитой средне- и тяжеловооруженным римским солдатам служил большой (100–130 x 60–80 см) деревянный щит, или «скутум», из двух склеенных бычьим клеем дубовых досок. Очевидно, он был заимствован римлянами у самнитов, с которыми они на ранней стадии своей истории много воевали за господство на Апеннинском полуострове. Сильно выгнутый, овальный, усиленный по краям металлом, он снабжался умбоном (*железной выпуклой веретенообразной «шишкой»*) посередине для отражения самых сильных ударов. Над умбоном располагалась эмблема легиона, либо написанная краской, либо сделанная из металла. На марше и в лагере на щит надевался чехол. Несмотря на величину, он был весьма легким (*от 7,5 до 10 кг*), поскольку на дощатый каркас с обеих сторон натягивалось лишь несколько слоев толстой бычьей кожи либо холста. Щит был очень эффективен в рукопашной схватке именно в строю, а не в одиночном бою. Прикрывая большую часть туловища, он позволял достаточно свободно двигаться руке с коротким мечом. Но свою знаменитую прямоугольную полуцилиндрическую форму (*столь часто встречаемую в крупномасштабных исторических блокбастерах Голливуда – от «Гладиатора» и до «Центуриона» и «Орла девятого легиона»!*), позволявшую прикрывать легионера от головы до ступней, что было так необходимо в столь присущем римлянам коллективном ближнем бою, «скутум» получит только, когда Рим станет империей...

Костяк римской пехоты составляли принципы (*лучшие или главные*) – зрелые, опытные солдаты лучшего для войны 30-летнего возраста. Именно у них чаще всего встречались: предложенный все тем же полубогатырем реформатором Камиллом доспех из скрепленных кожаными ремнями металлических секций либо нагрудник в виде прямоугольников из толстой, сложенной в несколько раз кожи, усиленный металлическими ребрами; либо простая медная нагрудная пластина (20 x 20 см), скрепленная толстыми кожаными ремнями с такой же пластиной на спине, причем те же ремни одновременно предохраняли плечи. Для защиты бедер с пояса свисали обшитые металлом толстые полоски кожи. Лишь офицеры могли себе позволить дорогие «анатомические» доспехи, стоившие в ту пору в Италии огромных денег.

...**Между прочим**, легендарная римская «лорика», так хорошо известная нам по вышперечисленным высокобюджетным голливудским историческим боевикам, появилась значительно позже, лишь в конце I в. н. э. Она представляла собой куртку из кожи или парусины, на которую надевалась/прикреплялась сегментированная кираса из гнутых полированных железных пластин, скрепленных друг с другом с помощью крючков, пряжек и ремней. Она закрывала легионера до бедер. Ниже нее и до подола туники (нижней рубахи) свисал небольшой передник из кожаных

полос, усеянных металлическими бляшками. Вероятно, это был наиболее оптимальный защитный доспех в римской армии. Гибкие и надежные лорики закрывали только плечи и верхнюю часть тела, но они весили намного меньше, чем сплошная кольчуга и были более пригодны для массового производства. То же самое касается шлемов голливудских «легионеров»: защитная пластина, закрывающая шею сзади, появилась лишь в середине I в. до н. э. Впрочем, нельзя требовать от кинематографистов хронологического соблюдения исторического костюма тех или иных времен, если это, конечно, не документальное кино...

Закрывая тему римского «обмундирования», скажем, что на ногах у всех легионеров были «калиги» – кожаные сапоги на двухсантиметровой подметке, подбитые сапожными гвоздями, с отверстиями, оставлявшими пальцы ног открытыми. Они носили шерстяные рубашки без рукавов и иногда обматывали бедра и ноги полосами шерстяной ткани. Когда наступали холода, солдаты надевали теплый и тяжелый плащ, а «калиги» утепляли тканью и мехом.

В третьей линии боевого порядка (*отсюда их название триарии или третьи*) стояли испытанные бойцы-ветераны от 40 до 45 лет, чья воинская сноровка уже была не той, что раньше, но они еще были способны на многое, в частности, стоять насмерть! Облачались они в такие же как у принципов, шлемы и доспехи, среди которых встречалась и дорогая кольчужная безрукавка. Кольчуги, несмотря на их дороговизну, высоко котировались среди легионеров, поскольку они не сковывали движений, гарантировали неуязвимость при рубяще-режущих ударах мечом либо кинжалом, неплохо защищали от колющих снарядов (стрелы и дротики) и были не столь эффективны лишь против таранных ударов тяжелых копий. Считается, что триарии бились более длинными, чем у гастатов и принципов, мечами и длинными тяжелыми копьями – гастами, пригодными только для ближнего боя. Занимая оборону, они становились на одно колено, выставляли перед собой большие щиты и длинные копья, втыкая их тыльным концом в землю.

Конница была наиболее слабым звеном в римской армии. К тому же в ней обычно «служили» союзники из италийских племен. Кавалеристы Рима имели длинные копья (*в бою их держали наперевес, зажав под мышкой*) и более длинные (до 80 см) и плоские, чем у пеших легионеров, мечи-спаты, круглые (овальные) деревянные щиты, обтянутые кожей с металлическим умбоном посередине, похожие на пехотные шлемы с волосяным гребнем, льняные панцири. Стремена римлянам еще были не известны, седла были примитивные, мягкие, лошади – плохой породы, да и наездниками они были слабыми. Поэтому в отличие от превосходной конницы пунов она, доезжая до поля боя, предпочитала спешиваться и, прикрываясь удобным в ближнем бою овальным щитом, сражаться с вражеской пехотой мечом. Как кавалерия, она плохо взаимодействовала со своей пехотой.

В заметно лучшую сторону ситуация в римской кавалерии изменится лишь после целого ряда унижительных поражений от превосходной конницы Ганнибала, когда она начнет комплектоваться прирожденными кавалеристами – наемниками из варварских племен.

Таким образом, основной ударной силой армии Рима всегда была его пехота, славившаяся эффективным сочетанием энергии метательного оружия, шока ближнего боя на мечах и надежными резервами. Даже знаменитый карфагенский полководец Ганнибал вынужден будет отдать должное боевой выучке римских пехотинцев и уже в ходе развязанной им войны в Италии вооружит свою пехоту по римскому образцу и подобию.

Принято считать, что после реформ Камилла римская армия стала состоять из легионов, делившихся на более мелкие маневренные единицы – на 45 компактных и маневренных манипул (*по-латински – пучок сена, который привязывали к древку копья для обозначения места сбора личного состава*). Со временем – во II в. до н. э. – количество манипул сократится

до 30, а численность их состава возрастет. Каждая манипула (*своего рода современная рота*) имела свой номер и насчитывала до 120 гастатов (*либо принципов*) + 40 велитов (*они располагались поровну между всеми манипулами*) и включала 2 центурии (*некое подобие современного взвода*) по 60 воинов (*позднее – 80*), которые перед боем располагались одна за другой. Всего центурий было 80 (*позднее – 60*). Только манипула триариев состояла из одной центурии в 60 бойцов. Самым мелким боевым отрядом была декария (*по-латински – десять*) из 10–15 бойцов во главе с декурионом (*десятником*). Командир первой центурии (центурион) был одновременно и командиром манипулы. Помощником центуриона был *оптий*. Ему помогал *тессерарий* (дежурный сержант). Помимо них в состав центурии входил трубач и сигнальщик, указывавший направление движения.

.. **Кстати сказать**, полководец лично назначал командиров центурий – центурионов из простых, но храбрых и опытных воинов. Не раз они выручали римское войско в трудную минуту. Интересно, что от них требовалось не столько геройство в атаке, сколько умение руководить своими бойцами в ходе боя, как бы он ни складывался, в частности, стоять на месте до последнего, т. е. стойкость и твердость характера. Военачальники знали своих центурионов в лицо и по имени. Внешне от рядовых легионеров они отличались красным плащом, поножами на обеих ногах, шлемами с расположенным поперек гребнем – у рядовых солдат он шел вдоль – (*со временем их шлемы посеребрят*), металлической гроздью винограда на доспехах и виноградной лозой (розгой) или дубинкой в руках для немедленного наказания виновных. Старший центурион первой манипулы триариев (примипил) считался старшим из центурионов и входил в состав военного совета легиона. Должность примипила была вершиной в служебной карьере центуриона, для достижения которой требовалось последовательно пройти все предшествующие ступени, начиная с центуриона 10-й манипулы гастатов, на что могло уйти до... 30 лет!!!

Обычно консульская римская армия из 4 (*2 римских + 2 союзнических*) легионов по фронту занимала позицию в 2,5 км, прикрывшись с флангов кавалерией. Плотность построения манипула по фронту могла варьироваться в зависимости от протяженности фронта, особенностей противника и т. п. Минимальной, создававшей достаточную глубину строя, в эпоху войн с Карфагеном считались 5 человек в шеренге. (*Позднее, когда численность манипул возрастает, она сократится до 3 бойцов.*) Оптимальным могло быть построение в 10 шеренг по 12 человек. На правом фланге вставляли центурионы, их помощники и один знаменосец.

Не менее важным было и то, что легион расчленялся и по фронту, и в глубину, строясь в три линии по манипулам. Интервал между манипулами был равен протяженности их фронта – в среднем от 8 до 20 м. В первой линии располагались гастаты, за ними в 90—100 м следовали манипулы принципов, замыкали построение на чуть большей дистанции опытнейшие триарии. Минимальной дистанцией считались 15–25 м. Манипулы разных линий могли стоять в шахматном порядке либо затылок в затылок. В случае необходимости манипулы второй линии входили в промежутки между манипулами первой линии и составляли непрерывный фронт, либо это происходило, когда смыкались сами гастаты. Манипулы третьей линии в этом случае составляли резерв. Реже легион строился в две линии. Отдельные легионы в сражении стояли на небольшом расстоянии друг от друга.

Перед строем легиона действовала рассыпная цепь легковооруженных велитов, численностью в 1000–1200 человек. (*Со временем их сменяют прекрасно подготовленные наемные стрелки-профессионалы: баlearские пращники и критские лучники.*) Они завязывали бой, затем отходили после метания дротиков, стрел и камней в тыл и на фланги. Велиты также несли охрану легиона, и под их прикрытием римские манипулы занимали наиболее удобные

позиции на поле боя. Затем двигавшийся вперед под прикрытием щитов строй из 1200 гастатов с расстояния 10–15 м (*либо в зависимости от ситуации это происходило раньше – с 30 м; тогда в ход шли более легкие пилумы*) залпом метал в неприятеля множество дротиков-пилумов. В этот момент каждый ряд гастатов отстоял друг от друга на столько, чтобы оставалось место для метания пилумов. Ряды смыкались, как только пилумы были брошены. После того как передние шеренги расходовали свой боезапас, только тогда задние начинали метать свои дротики поверх их голов. Массированному обстрелу дротиками придавалось большое значение. Пронзив тяжелыми пилумами щит противника, гастаты лишали его возможности обороняться им и, бросаясь на него с мечами, переходили к рукопашной схватке. (*Получалось нечто подобное штыковой атаке после залпового ружейного огня.*) Уже в этой атаке должно было сказываться преимущество римского боевого порядка: предварительное метание дротиков с быстрым переходом к рукопашной схватке, в которой у римлян было превосходство за счет отлично обученных фехтовальщиков на мечах. Если все же эта атака не приносила успеха, гастаты через интервалы в манипулах второй линии отходили поочередно в тыл и их сменяли 1200 более опытных принципсов либо принципы вступали в интервалы первой линии, создавая таким образом сплошной фронт. Только в крайнем случае в бой вводился последний резерв – 600 триариев. У римлян даже существовала поговорка: *inde rem ad triarios redisse*, или «дело дошло до триариев», означавшая, что дело доведено до крайности.

Но обычно исход боя решался двумя первыми линиями, поскольку триарии при всей своей многоопытности все же были людьми весьма возрастными и на равных соперничать с воинами в полном расцвете сил долго вряд ли могли, тем более что их численность была сравнительно небольшой.

...**Между прочим**, принято считать, что если в греко-македонской фаланге все зависело от *выносливости и слаженности одновременного напора оцетинившейся громадными копьями огромной массы людей*, то в римских манипулах, где проявлялась индивидуальная подготовка отдельных рядовых легионеров, все определялось *способностью убивать врага в атаке*. И все же в столкновении с монолитной греко-македонской фалангой на ровном месте, когда каждому легионеру приходилось противостоять десяткам нацеленных ему в грудь либо в лицо громадных копий-сарисс, имея лишь один меч, после того как он метнул свои пилумы, римлянам было очень трудно прорваться сквозь частокол копий, чтобы сразиться с фалангитами в рукопашном бою. Следовало обязательно выманить фалангу на пересеченную местность, где ее плотно сомкнутые ряды неминуемо расстроятся, появятся бреши и мобильные римские манипулы или отдельные легионеры смогут в них просочиться и навязать противнику столь нежелательный для него рукопашный бой со множеством отдельных схваток, а не одним общим столкновением. Атакуемые с разных сторон фалангиты вынуждены будут поворачивать свои громадные копья; трудно управляемые из-за их длины и веса, они начнут застревать в беспорядочной массе и монолит фаланги нарушится. В поединке один на один с македонским фалангитом у римского легионера будет неоспоримое преимущество отлично подготовленного поединщика. Бросив бесполезную в ближнем бою сариссу, фалангиту придется защищаться с помощью короткого меча либо кинжала и небольшого плетеного либо кожаного щита против хорошо тренированного фехтовальщика с более длинным мечом, прикрывавшегося большим прочным щитом. Исход такого боя был легко предсказуем. Впрочем, не все современные историки согласны с таким резюме эффективности фалангита и легионера...

Казалось, все было гениально просто: непосредственные участники боя, поддержка и резерв. При этом на протяжении всего боя 2/3 легионеров находились вне зоны досягаемости противника.

Поскольку тогда сражения проходили как поединки отдельных воинов, то основное бремя борьбы ложилось на передний ряд. Общеизвестно, что воины, бившиеся в ближнем бою (в первом ряду), могут эффективно сражаться от 10 до 15 минут, далее для максимально долгого поддержания их в боевом состоянии им надо давать временную передышку. Кроме того, потери в первом ряду всегда были очень велики, поскольку возможности римских легионеров, несмотря на их большую выносливость и высокое боевое искусство, были все-таки ограничены.

Поэтому очень многое зависело от быстроты и четкости, с которой производилась замена убитых и раненых бойцов свежими силами из подкрепления. Легионеров муштровали до тех пор, пока они не приучались выполнять все приказы автоматически. Даже внутри манипул и центурий людей передвигали, как марионеток на фиксированные позиции.

Римский строй очень трудно было прорвать: он без сложной перестройки позволял каждому солдату отдельно или вместе с товарищами повернуть фронт в любом направлении: манипулы, ближайšie к опасному месту, поворачивались к нему одним заученным движением. Линейная взаимозаменяемость давала римлянам еще одно весьма важное преимущество перед противником. Как правило, когда в большинстве армий той поры передний строй терпел поражение, то начиналось... бегство. У римского легиона была возможность с помощью замены линий попытаться избежать этого.

*Долгое время среди историков было принято считать, что именно такая организация боя вкупе с **шахматным построением** римской пехоты и делали ее очень подвижной и маневренной. Именно они позволяли ей сражаться практически на любой местности, не опасаясь потерять строй и не испытывая необходимости непрерывно следить за появлением просветов в линии – просветы были предусмотрены. Именно они позволяли повторять атаку последующими линиями, одна вслед за другой, в зависимости от необходимости. При этом манипулы первой линии стремились вклиниться во вражеский строй, разорвать его, после чего туда устремлялись свежие манипулы второй линии. Третья линия манипул играла роль тактического резерва. Она вводилась в сражение только в критический момент: либо прикрывая отход и перестроение потрепанных боем первых двух линий, либо нанося решающий, победный удар.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.